

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

РАДЖАБОВА ХИЛОЛА АБДУРАСУЛОВНА

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ
ДИСКУРСА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Специальность: 5А – 220101

Лингвистика (английский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени магистра филологии

Работа рассмотрена и
обсуждена на кафедре
“Фонетики и
грамматики французского языка ”
зав. каф. к.ф.н.Сувонова Н.Н.
“ ” _____ 2013 г.

Научный руководитель:
к.ф.н. Сувонова Н.Н.

Самарканд – 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКУРСА

- 1.1. Дискурс в коммуникативной лингвистике
- 1.2. Культурологическая маркированность информации в коммуникативном дискурсе
- 1.3. Культурологическая специфика фоновых знаний в дискурсе

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.

ГЛАВА II.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ КОМПОНЕНТОВ ДИСКУРСА КАК РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

- 2.1. Культурологический аспект лексико-грамматического блока речевого общения
  - 2.2. Средства выражения несогласия в лингвокультурологическом аспекте
  - 2.3. Лингвокультурологический аспект рече-этикетного блока
  - 2.4. Конструктивные особенности фрагментов общения
  - 2.5. Лингвокультурологический аспект паралингвистики
  - 2.6. Лингвокультурологический аспект исследования мотивационной базы
- #### **ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.**

ГЛАВА III.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА КАК КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ АНГЛИЧАН

- 3.1. Установление коммуникативного контакта: обращение, приветствие, знакомство.
  - 3.1.1. *Обращение к незнакомому адресату*
  - 3.1.2. *Обращение к знакомому адресату.*

3.1.3. Приветствие

3.1.4. Знакомство

3.2. Поддержание коммуникативного контакта

3.2.1. Поддержание разговора, диалога

3.2.2. Демонстрация уважения и расположения к собеседнику

3.2.3. Извинение

3.2.4. Благодарность

3.3. Прекращение коммуникативного контакта

3.3.1. Выход из контакта в процессе общения

3.3.2. Прощание

3.4. Построение речевых актов в ситуациях решения предметных задач

3.4.1. Коммуникативный акт - приглашение

3.4.3. Коммуникативный акт - просьба

3.4.4. Коммуникативный акт - совет

3.4.5. Коммуникативный акт - поздравление

3.4.6. Коммуникативный акт – пожелания и оценка

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

Причастность Узбекистана к процессам глобализации в Азии и во всем мире, открытость границ государства, расширение мобильности во всех смыслах этого слова, развитие современных технологий, обеспечивающих доступ к информации и связь с удаленными объектами, осознание рубежа тысячелетий как знакового события, требующего качественного прорыва в жизнеустройстве, вызвали изменения как в образе жизни узбекского общества, так и в его мироощущении.

В своем стремлении соответствовать современным требованиям наша система образования характеризуется поиском и утверждением новых подходов к обучению различным дисциплинам, которые призваны наиболее полно отвечать насущным потребностям как реформируемого узбекского общества, так и каждого индивида. С интеграцией Узбекистана в мировое экономическое и культурное пространство, с расширением и качественным изменением международных связей, адекватное историческому моменту владение иностранным языком становится одним из условий востребованности специалиста на рынке труда. Как отмечает наш Президент, «сегодня трудно переоценить важность знаний иностранных языков, так как наш народ видит своё процветающее будущее во взаимоотношении с иностранными партнёрами» [1;7]. В декабре 2012 года Президент Республики Узбекистан подписал Постановление «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков» [2], в котором отмечено, что современное состояние общества находит свое отражение и в системе обучения иностранным языкам в высшей школе. Процесс обучения иностранному языку характеризуется тем, что не только предоставляет знания и формирует навыки и умения, но может оказывать непосредственное влияние на формирование личности. Распространенные в Узбекистане в последние годы коммуникативные подходы в методике преподавания иностранных языков обеспечивают высокую степень

овладения языковой формой на всех уровнях языка и речи. Однако, новые условия использования языков продемонстрировали и недостатки отечественной системы. Беглость и правильность в лексико-грамматическом аспекте не гарантируют взаимопонимания и, далее, результативной совместной деятельности в процессе реального общения. Проблема состоит в том, что традиционные подходы недостаточно учитывают специфику языка как отражения системы культурных ценностей, на основе которых строятся конкретные общества и модели поведения их членов. Современная лингвистика встала перед необходимостью освоения сложного понятийного аппарата идей и подходов, среди которых следует отметить антропоцентризм, предполагающий системное освоение языка, его единиц, текста, дискурса сквозь призму «человеческого фактора», рассмотрение пребывания человека в языке и языка в человеке; когнитивизм (язык – результат когнитивной деятельности, способ организации и хранение человеческого знания о мире, пространство мысли и духа); лингвокультурологизм (тесная связь языка и культуры народа. понимание развития языка как результата творческой деятельности человека). В связи с этим, сегодня лингвистические исследования в системе основных научных достижений апеллируют к таким концептуальным терминам как «языковая личность», «языковая способность», «языковая компетенция», «речевое поведение», «дискурсивная ситуация», и к применению новых методик анализа языкового материала, основанных на «расширенных» интерпретативных действиях, позволяющих соотнести язык, сознание, общество, личность и культуру. Отношение к языку как к феномену культуры, описание его с этих позиций требует внимания к признакам национальной ментальности и их отражения в лексике, фразеологии, речевом этикете, этических концептах, в характере дискурсивной деятельности носителя определенной культуры.

Настоящее исследование посвящено изучению и описанию лингвокультурного аспекта анализа дискурса, функционирующего в

парадигме межкультурной коммуникации. Дискурс в данном исследовании изучается и позиционируется одновременно как текст, взятый в событийном аспекте, как коммуникативная ситуация и как коммуникативное поведение, национально и культурно-обусловленные, включающие всю совокупность порождения, восприятия и трансляции данного феномена в социуме, на уровне культурно-языковой компетенции участников коммуникации.

Объектом исследования выступил коммуникативный дискурс английского языка, понимаемый как: речевое событие (текст, погружённый в ситуацию общения); коммуникативная ситуация, в рамках которой происходит меж-культурное взаимодействие; национальное вербальное коммуникативное поведение этнической группы носителей языка и его культурологическая специфика;

Предметом исследования являются лингвокультурная специфика построения и функционирования национального типа дискурса в межкультурной коммуникации.

Актуальность исследования определяется общим интересом антропоцентрической лингвистики к теории дискурса в сфере межкультурной коммуникации. В этой связи релевантность разработки и многовекторного описания лингвистического и коммуникативного феномена дискурса, и выявления лингвокультурных параметров его анализа объясняются следующими моментами:

- Современная теория дискурса проходит этап становления и формирует свои основные подходы и методы исследования. В связи с этим в большинстве работ рассматриваются общие вопросы об универсальных моделях лингвистического и прагматического анализа дискурса, выдвигаются положения о ключевых категориях теории дискурса, однако в ней до настоящего времени отсутствует обоснование специальных методов исследования межкультурных различий на коммуникативном и когнитивном

уровне организации дискурсов в пределах определённого этнокультурного сообщества.

- Не рассмотрена культурная специфика функционирования коммуникативного дискурса в рамках взаимодействия и межкультурной коммуникации сопоставляемых лингвокультур.

- Общение в коммуникативной среде английского языка является важной характеристикой современной межкультурной коммуникации и коммуникативной компетенции, вместе с тем, лингвокультурологические характеристики дискурса как национально-культурной ситуации общения и культурно-специфической языковой единицы, освещены в научной литературе ещё недостаточно.

- Изучение дискурса является одним из наиболее активно развивающихся направлений современной лингвистики, однако остаются дискуссионными многие вопросы, касающиеся сути этого явления и его типов, в частности, коммуникативного дискурса английского языка.

- Требуют научного осмысления проблемы становления коммуникативной компетенции, когнитивного моделирования языковых личностей участников дискурса, целей, ценностей, концептов, жанров, коммуникативных стратегий, специфических средств вербального и невербального дискурсивного выражения, сопровождающих процесс межкультурной коммуникации.

Целью исследования является комплексное описание коммуникативного дискурса и его анализ в рамках лингвокультурологического подхода, а также представление разноплановых направлений для описания его лингвистических, культурологических, прагматических характеристик, стратегий, жанров, тактик, приемов воздействия на аудиторию.

Выдвинутая цель базируется на следующих **гипотезах исследования:**

- Выявление лингвокультурных особенностей коммуникативного дискурса в рамках определённого языкового сообщества - это результат анализа национально-культурной специфики языкового сознания, проявленного в коммуникации, которая включает в себя определенные представления о речевом поведении в различных ситуациях общения.

- Носитель языка обладает информацией о целях общения в данной ситуации, коммуникативном этикете, владеет определенным набором клишированных фраз и моделями поведения в ситуации контакта культур.

- Анализ моделей речевого поведения (стереотипов, этикетных формул и мн. др.) как «культурноносных» фактов имеет в своей основе взаимодействие языка как транслятора культурной информации и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком.

- Успешная дискурсивная деятельность формирует понятийную составляющую межкультурной компетенции и поддается ситуационному моделированию посредством комплексного лингвистического, экстралингвистического и лингвокультурологического исследования.

Достижение поставленной цели и доказательство гипотезы потребовали решения следующих **основных задач**:

рассмотреть коммуникативный дискурс как объект многовекторного лингвистического и лингвокультурологического исследования;

-определить существующие подходы и направления исследования коммуникативного дискурса.

-выявить соотношение понятий лингвокультурологии, дискурса и коммуникации;

-описать национально-культурную специфику построения английского коммуникативного дискурса;

-рассмотреть коммуникативный дискурс как речевое событие, имеющее место в парадигме межкультурной коммуникации, в плане сопоставления английской, американской и русской лингвокультур;

Научная новизна работы определяется тем, что в ней выявляется коммуникативная специфика анализа дискурса, выделяются культурологические параметры анализа дискурсивной деятельности, с учётом их прагмалингвистического аспекта. Впервые предпринимается попытка представить параметры лингвокультурного анализа коммуникативного дискурса посредством выявления национально-культурной специфики построения коммуникативных актов в сопоставляемых языках.

Методологической и теоретической базой исследования послужили научные концепции, разработанные в рамках таких научных направлений, как: философия языка (Д.С.Лихачёв, В.М.Лебедев, Э.Геллнер, С.А.Аскольдов); теория дискурса (Дж. Гамперц, Т.А.ван Дейк, Дж.П.Ги, Дж. Каттинг, М.Л.Макаров, Р.Водак, А.В.Олянич, В.А.Кибрик, Е.И.Шейгал, Н.Д.Арутюнова); лингвокультурология (Г.К.Триандис, В.И.Карасик, С.В. Ларина, С.Г.Тер-Минасова, В.Н.Телия, В.В.Красных, Г.Г.Слышкин, А.Т.Хроленко); теория межкультурной коммуникации (Э.Лич, Л.В.Куликова, Д.Б.Гудков, Р.Т.Белл, М.С.Каган, И.А.Стернин, С.Г.Тер-Минасова, А.А.Леонтьева); лингвистика текста (Р.Барт, В.Е.Чернявская, В.Шмидт, М.М.Бахтин, А. Вежбицкая, Б.М. Гаспаров, М.В.Вербицкая, В.Я.Пропп); речевая деятельность (Н.И.Формановская, В.Г.Костомаров, Г.Е.Крейдлин, А.А.Формановская); культурная антропология (А.А.Белик, К. Клакхона, Э.Лич, А.Р.Редклифф-Браун, Р.Бенедикт, М.И.Васильев, К.Гирц, М.Мид, М.Мосс);

Специфика предмета исследования и ряд перечисленных задач обусловили также необходимость обращения к фундаментальным работам В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Р.Якобсона, Л.Витгенштейна, Г.Гадамера, Г.Гийома, М.Хайдеггера, Н.Хомского, К.Ясперса, А. Мейе, Ж. Вандериеса, Э.Бенвениста, Дж.Гамперца, З.Харриса.

Источниками материала для проведения исследования являются:

1. Публицистические источники: страноведческие очерки журналистов-международников, путевые очерки, заметки путешественников, воспоминания дипломатов, путевые заметки писателей, телевизионные передачи о стране.

2. Художественные произведения: тексты художественной литературы, кино- и видеофильмы.

3. Специальная литература: страноведческие словари, энциклопедические словари, страноведческие и этнографические публикации, культурологические публикации, психологическая литература.

Сбор материала для исследования осуществлялся по методу свободной выборки, предложенного К. Клакхоном. [68]

Для обработки указанного материала использовались следующие **методы и приёмы исследования**: сравнительно-контрастивный метод, герменевтико-интерпретационный анализ, дискурс-анализ. Описательный, герменевтико-интерпретативный методы являются основными методами исследования.

Положения, выдвигаемые на защиту:

Коммуникативный дискурс представляет собой особый тип дискурса, организация и функционирование которого обусловлены правилами, принятыми в лингвокультурном сообществе, в среде которого осуществляется межкультурное взаимодействие.

В рамках дискурсивной деятельности лингвокультурного сообщества можно выявить специфику национально- и культурно-обусловленных речевых событий, в русле которых функционируют специфические культурные концепты, проявляются особые типы языковых личностей, вступающих в межкультурные отношения.

Для анализа коммуникативного дискурса в лингвокультурологическом аспекте релевантными являются такие параметры, как время и место дискурсивной ситуации, возраст, гендер, этнокультурная принадлежность

участников общения и совокупность экстралингвистических факторов, сопровождающих речевое событие.

Теоретическая значимость исследования состоит в дальнейшем развитии методологии и категориального аппарата анализа дискурса. Полученные результаты могут послужить основой при изучении лингвокультурных особенностей коммуникативного дискурса. Данное исследование также демонстрирует плодотворность дискурс-анализа как функционального социально-культурологического подхода к изучению явлений языкового общения в широком социальном, психологическом и культурном контексте в условиях “дискурсивного переворота” [44:15].

Практическая ценность выполненной работы состоит в том, что ее результаты могут найти применение в вузовских курсах общего языкознания, лингвокультурологии, стилистики, лексикологии, теории межкультурной коммуникации, спецкурсах по лингвострановедению, социолингвистике, прагмалингвистике и лингвистике текста, а также в практике дискурсивного описания лингвокультуры.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списков источников и приложения.

ГЛАВА I.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКУРСА

1.1. ДИСКУРС В КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.

Дискурсивные явления изучаются в лингвистике в двух основных аспектах. Во-первых, дискурс может исследоваться как таковой, в том числе как структурный объект. Во-вторых, дискурс интересует лингвистов не сам по себе, а как центральный фактор, влияющий на морфосинтаксические явления (например, порядок слов в предложении может быть объясним на основе дискурсивных факторов, лежащих за пределами данного предложения). Принято считать, что понятие дискурса было введено основоположником трансформационного и дистрибутивного анализа З. Харрисом в 1952 г. Сегодня категория дискурс, одна из основных в коммуникативной лингвистике и современных социальных науках, как и всякое широко употребляющееся понятие, допускает различные научные интерпретации и поэтому требует уточнения, особенно в отношении к смежным терминам текст, речь и диалог.

В первом значении дискурс понимается как текст, высказывание, погруженный в социокультурную ситуацию. И действительно, в лингвистике текста 70-х гг. XX в. термины «дискурс» и «текст» обычно отождествлялись, что объяснялось отсутствием в некоторых европейских языках слова, эквивалентного франко-английскому «дискурс» – его вынуждены были заменить наименованием «текст». Такое терминологическое отождествление привело к тому, что дискурс и текст стали рассматриваться как эквиваленты. Для разведения понятий сначала использовалось разграничение аспектов, которые они представляли: дискурс – социальный, а текст – языковой. Играла роль и «динамическая» природа феноменов: в концепции Э. Бенвениста дискурс считался речью, неотделимой от говорящего, а в работах ван Дейка текст рассматривался как статический объект, а дискурс – как

способ его актуализации в определенных ментальных и прагматических условиях. В этом значении дискурс соотносился и с высказыванием.

Можно сказать, что текст как высказывание в условиях его порождения и восприятия функционирует как дискурс. Дискурс называют погруженным в жизнь текстом, который изучается вместе с теми формами деятельности человека, которые формируют его: выступления, интервью, репортажи и т. п. В то же время, Д. Шифрин, подчеркивая взаимодействие формы и функции и определяя «дискурс как высказывания» (discourse as utterances) [96: 39-41], подразумевает, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. В этом контексте проявляется неоднозначность подходов к определению высказывания.

Итак, первый подход, осуществляемый с позиций формально или структурно ориентированной лингвистики, определяет дискурс как текст, как «язык выше уровня предложения или словосочетания» – «*language above the sentence or above the clause*» [97: 1]. «Под дискурсом, следовательно, будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи» [25:170].

Второе значение дискурса исходит из первого. Оно стало результатом разработки Т. А. ван Дейком концепции коммуникативной природы текста. В начале 80-х гг. XX в. голландский исследователь избрал иное стержневое понятие дефиниции дискурса: коммуникативное событие. Он подчеркивает: «Дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта... Говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию» [80].

В данном суждении заложен событийно-ситуационный аспект понимания дискурса, который стал основой второго значения термина как коммуникативной ситуации, интегрирующей текст с другими ее составляющими: текстом, субъектом речи (адресантом), адресатом, временем и местом высказывания. Основными параметрами (характеристиками) дискурса во втором значении являются контекстуальность, личностность, процессуальность, ситуативность, замкнутость.

Третье значение дискурса наиболее распространено в современной лингвистической литературе, оно исходит из положения французской семиотической традиции об отождествлении дискурса с речью, преимущественно устной.

В своей работе «The thread of discourse» А. Ж. Греймас определяет дискурс как тождественное тексту понятие в аспекте семиотического процесса: «В первом приближении дискурс можно отождествить с семиотическим процессом, который... следует понимать как все многообразие способов дискурсивной практики, включая практику языковую и неязыковую...»[87]. Соотнося дискурс с коммуникативным процессом и накладывая их на соотношение языка и речи, семиотики рассматривали дискурс как строго привязанное к акту речи событие, которое моделирует, варьирует и регулирует языковые и грамматические формы языкового сознания, переводя его в речь. Такая «прагматическая» концепция обусловила дифференциацию всего дискурсивного массива языка и породила метонимизацию термина «дискурс», что отразилось, в частности, в практике использования его в **четвертом** значении – как типа дискурсивной практики. Дискурс представляет собой коммуникативно-прагматический образец речевого поведения, протекающего в определенной социальной сфере, имеющий определенный набор переменных: социальные нормы, отношения, роли, конвенции, показатели интерактивности и т. д. Основным свойством дискурса в данном понимании является регулярность соприсутствия говорящего и слушающего (интеракции лицом к лицу).

Теория речевых актов ([49],[60]) оказала влияние на разработку проблем коммуникативной грамматики, анализа дискурса, разговорного анализа (особенно его немецкой разновидности – анализа разговора). В последние десятилетия широкое распространение в мировой лингвистике получил *дискурс-анализ* как совокупность ряда течений в исследовании дискурса (обычно отличающихся своим динамизмом от статичной лингвистики текста).

Анализ дискурса в начальных его вариантах был исследованием текстов (последовательностей предложений) с позиций структурализма, т. е. представлял собой структуралистски ориентированную грамматику текста.

М. Л. Макаров отмечает, что в современной лингвистической литературе встречается три основных употребления данного термина:

1) дискурс-анализ (в самом широком смысле) как интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности;

2) дискурс-анализ (в узком смысле) как наименование традиции анализа Бирмингемской исследовательской группы (М. Култхард, М. Монтгомери, Дж. Синклер).

3) дискурс-анализ как «грамматика дискурса» (Р. Лонгакр, Т. Гивон), близкое, но не тождественное лингвистике текста направление [43: 3-14].

По нашему мнению, наиболее употребительным является использование термина в первом значении.

Основная причина, по которой дискурсивный анализ играет центральную роль в функциональной лингвистике, состоит в том, что, по мнению функционалистов, форма в значительной степени формируется и объясняется функционированием языка в реальном времени. Этот процесс, собственно, и является дискурсом.

В целом, можно говорить о том, что функционально-лингвистическое течение в анализе дискурса сложилось под влиянием коммуникативно-прагматических моделей языка и идей когнитивной науки. В центре его

внимания – динамический характер дискурса как процесса *конструирования* речи говорящим/пишущим и процессов *интерпретации* принятой информации слушающим/читающим. При этом анализируются такие показатели, как прагматические факторы и контекст дискурса (референция, пресуппозиции, имплицатуры, умозаключения), контекст ситуации, роль топика и темы, информационная структура (данное – новое), когезия и когеренция, знания о мире (фреймы, скрипты, сценарии, схемы, ментальные модели).

Этнографическое течение в анализе дискурса сформировалось из этнографии речи и имеет целью исследовать правила конврсационных умозаключений (*conversational inferences*), которые представляют собой контекстно связанные процессы интерпретации, протекающие на основе правил контекстуализации. Основателями и активными исследователями в этой области считаются Э. Гоффман – автор социологической теории взаимодействия, а также Ф. Эрикссон, Дж. Шульц, А. Сикурель, Дж. Гамперц, Дж. Кук. Особенность этого направления дискурс-анализа в том, что контекст понимается не как *данное*, а как *создаваемое* коммуникантами в ходе их вербальной интеракции, как множество процедур, предполагающих использование «указаний» на фоновое знание. При этом исследуются стратегии дискурса (особенно в связи с правилами передачи роли говорящего, построением связанных пар как последовательностей взаимно соотнесенных речевых ходов, выбором определенных языковых и неязыковых средств). Главное отличие коммуникативных исследований тех же проблем от собственно лингвистических заключается в ориентации на сам процесс языкового взаимодействия с опорой на фонд культурно обусловленных знаний, которые принято называть коммуникативной компетентностью. Центральным положением базовой модели коммуникации является то, что обработка сообщений, включающих культурно обусловленную информацию, протекает как приписывание значений, известных коммуникантам. При этом главным положением дискурсивного

подхода к изучению коммуникации является постулат о том, что любая культура – это социум, характеризующийся своим дискурсом, свойства которого и должна изучать коммуникативная лингвистика.

В настоящее время в исследовании дискурса выделяются шесть основных направлений: теория речевых актов, интеракциональная социолингвистика, этнография коммуникации, лингвопрагматика, разговорный анализ и вариационный анализ.

Интеракциональная социолингвистика представляет собой такой подход к дискурсу, когда в центре внимания оказывается ситуативное значение. Исследователи, работающие в этом направлении, опираются на идеи Джона Гамперца и Эрвина Гоффмана.

Антропологическую составляющую в развитии этого направления обосновал Джон Гамперц. Основную цель своего исследования в работе [85] автор формулирует как поиск и развитие интерпретативных социолингвистических подходов к анализу процессов, происходящих в реально протекающем в пространстве и времени непосредственном общении (*face-to-face*). Исследования Дж. Гамперца опираются на ключевые положения социальной и культурной антропологии: языковое значение, внутренняя структура языка и использование языка социально и культурно обусловлены, а речевое сообщество есть не что иное, как любая совокупность людей, для которой характерно регулярное или постоянное взаимодействие на основе общих, известных всем языковых знаков.

В своей книге «Стратегии дискурса» [86] Дж. Гамперц отмечает, что для того, чтобы разобраться в сложном взаимодействии и взаимообусловленности языка, мышления, культуры и общества, необходима общая теория вербальной коммуникации, интегрирующая знания о грамматике, культуре и интерактивных конвенциях в единый всеобъемлющий комплекс понятий и аналитических процедур. Теория вербальной коммуникации, предложенная Дж. Гамперцем, подкрепляется введением нового понятия «контекстуализационный титр» (*cue*), которое

тесно связано с двумя другими: контекстуальная пресуппозиция и ситуационная инференция.

Контекстуальные титры – это особые аспекты языка и поведения (вербальные и невербальные знаки), которые связаны с тем, что называется контекстуальным знанием (фреймами, по Э. Гоффману), на котором строятся пресуппозиции, необходимые для правильного вывода подразумеваемого значения (включая иллокуции, но не ограничиваясь иллокутивной силой). Контекстуальные пресуппозиции являются разновидностью фоновых знаний, обуславливающих процесс инференции (вывода) двух уровней значения, взаимосвязанных между собой. Один уровень обозначает коммуникативный вид деятельности (чтение лекции, фатический диалог и т. п.), а другой уровень представляет иллокутивный акт, который соотносится с интенцией говорящего. Важно отметить, что интерпретация иллокутивного акта зависит от использования фрейма, который выводится также на основе контекстуализационного титра. Таким образом, эффективность протекания процесса коммуникации обеспечивается наличием у говорящего и слушающего общего контекстуализационного титра.

И наконец, наше понимание дискурса вписывается в социокультурную традицию его анализа, и в этом плане наиболее точным обозначением для единицы дискурса представляется термин «речевое событие», предложенный «этнографии коммуникации» Хаймсом: «речевое (или коммуникативное) событие — это наименьшая единица анализа, она определяется общей целью, общей темой и общими участниками, которые обычно используют язык одного и того же уровня в общей ситуации и следуют одинаковым правилам взаимодействия», [84[цит. по 93, с. 27]]. Хаймс привел следующие примеры классов речевых событий: воскресная утренняя проповедь, обращение и инаугурации, разговор по сердцам, мужской разговор, женский разговор, политический разговор [69: 338].

1.2. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ИНФОРМАЦИИ В КОММУНИКАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Коммуникация с лингвистической точки зрения понимается как обмен мыслями, идеями, информацией посредством языка [32: 233]. Коммуникация предполагает взаимодействие людей, а потому имеет двусторонний характер. Двусторонний характер коммуникации, обуславливающий одинаковую важность как продукции, так и перцепции, опосредующей процесс восприятия речи [35: 169], делает естественным вывод о том, что пользование языком в качестве единого кода предполагает наличие у коммуникантов общего фонда знаний, обеспечивающих понимание. Понимание того факта, что представители одной лингво-культурной общности связаны единым коммуникативным пространством [42: 115], их сознание характеризуется наличием «базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации индивидуума в данном обществе и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности), [53: 14], или национально обусловленной системой символов, ассоциаций, информации [82], давно нашло отражение в исследованиях по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации (см. также [30]). Вместе с тем в данный момент интерес представляет конкретная форма существования и организации этой «инвариантной части в структуре языковой личности» [30: 38]. Для этой цели в исследования по межкультурной коммуникации [19,36,37] вводятся термины «культурное пространство», «когнитивное пространство» и «когнитивная база». Под культурным пространством предлагается понимать «форму существования культуры в человеческом сознании» [36: 41]. В этом пространстве выделяются центр и периферия. Центр национально-культурного пространства образован феноменами, которые являются достоянием практически всех членов национально-культурного сообщества [36]. «Культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов некоторого национально-культурного сообщества. При этом каждый человек обладает особой, определенным образом

структурированной совокупностью знаний и представлений. Мы называем такую совокупность индивидуальным когнитивным пространством. При этом существует некая совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного социума (профессионального, конфессионального, генерационного и т.д.), которую мы определяем как коллективное, когнитивное пространство. Определенным же образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингво-культурного сообщества определяется нами как когнитивная база» [36: 42]. В отличие от культурного пространства, когнитивная база, в представлении Д.Б. Гудкова, формируется при помощи инвариантов представлений о тех или иных феноменах. И эти инварианты хранятся в когнитивной базе в минимизированном, редуцированном виде [36: 42]. С точки зрения Д.Б. Гудкова, «именно владение знаниями и представлениями, входящими в когнитивную базу и имеющими надличностный инвариантный характер, позволяет индивиду ориентироваться в пространстве соответствующей культуры и действовать по ее законам» [19: 43]. Разделяя суть данных воззрений по определению и дифференциации названных феноменов, хотелось бы внести некоторые изменения терминологического характера. Речь идет о термине «когнитивный», употребление которого, как представляется, произвольно вносит ассоциации с когнитивной деятельностью и когнитивным уровнем языковой. Использование термина «когнитивная база» в столь широком смысле, безусловно, возможно. Однако в таком случае теряется и в конечном итоге исчезает грань между когнитивной деятельностью как таковой, деятельностью, направленной на познание окружающей действительности и спецификой когнитивного уровня организации представлений, оформленных в виде когнитивного уровня языковой личности. Термин «когнитивный», в нашем представлении, прежде всего, покрывает явления, связанные с категоризацией, концептуализацией, классификацией объектов, то есть процессов, опосредующих познавательную деятельность и составляющих суть когнитивного уровня

языковой личности. В силу принадлежности термина «когнитивный» совершенно иной области языковых знаний, считаем нецелесообразным использовать его для описания лингвистических явлений, связанных с познанием в широком смысле. Представляется рациональным присвоить когнитивной базе в понимании Д.Б. Гудкова наименование «единая информационная база». При этом опорным становится утверждение А.А. Леонтьева, который толкует коммуникативную общность как «сходный информационный уровень собеседников, сходный опыт общения в прошлом, опора на общеизвестные сведения» [42: 115]. Единая информационная база характеризуется как надличностная, информационная структура, которая позволяет индивиду функционировать в соответствии с законами данного лингво-культурного сообщества. Синонимично единой информационной базе предлагается использовать термин «фонд знаний».

Следующим шагом должно быть определение структуры единой информационной базы. В этом плане рационально использовать общепризнанную в когнитивной лингвистике структуру общей базы знаний носителей языка. Последняя включает: «1) языковые знания; а) знание языка; б) знание принципов речевого общения; 2) внеязыковые знания: а) о контексте и ситуации, знания об адресате (в том числе знание представленных адресатов целей и планов, его представления о говорящем и об окружающей обстановке и т.д.); общефоновые знания (то есть знания о мире)» [11: 7]. Лингвокультурологический ракурс данного исследования требует выделить из общей базы знаний те, которые отмечены культурологической компонентой и имеют отношение к уровню культурности. В этом смысле представляется, что единая информационная база, или общий фонд знаний, включает: (1) знание языка в прагматическом аспекте; знание принципов речевого общения; (2) знания об окружающем мире, включая знания о совокупности ситуаций речевого общения.

Задача грамотного и успешного осуществления коммуникации, а также необходимость локализации культурологической компоненты требует более

подробного освещения обеих групп, составляющих общий фонд знаний, или единую информационную базу.

Первую группу, предполагающую знание языка и знание принципов речевого общения, в силу оперирования термином «язык», представляется возможным назвать лингвистической. Второй группе, группе знаний «культурного фонда» в терминологии Ю.Е. Прохорова [53: 14], предполагающей необходимость знаний об окружающем мире, то есть того, что находится за гранью непосредственно языка, можно присвоить наименование экстралингвистических знаний.

Лингвистические знания, необходимые для построения сообщения и осуществления коммуникации, кроме конкретных языковых форм, включают «(1) вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях; (2) общие тенденции (константы) языкового поведения, которые проявляются независимо от культурной сферы и отражают как общие закономерности построения высказывания на данном языке, так и свойственные данному социуму правила речевого поведения» [27: 142]. Вербальный аспект лингвистических знаний проявляется в практическом уровне владения нормами устного и письменного языка, навыками их ситуативного варьирования, умелом пользовании выразительными средствами языка. Практическое владение нормативной речью, который составляет один из аспектов культуры речи [43: 65], предполагает выполнение требований к произносительной, лексико-грамматической и структурной составляющим высказывания. Произносительная, лексико-грамматическая и структурная составляющие высказывания представляют собой вербальный аспект лингвистических знаний. Вербальный аспект лингвистических знаний коррелирует и обусловлен невербальным аспектом. Речь в данном случае идет о константах языкового поведения и принципах речевого поведения. И первое, и второе складываются в единое целое и оставляют систему дискурса, то есть систему осуществления коммуникации, принятую в данном лингво-культурном сообществе. Система дискурса - это общее понятие, некий конструкт дискурса, который на практике реализуется в

виде моделей дискурса. Таким образом, модель дискурса толкуется как конкретное проявление определенной системы с поправкой на способ построения. Способ построения предопределяет форму дискурса и зависит от принятых в обществе концепции личности и межличностных отношений. Кроме того, модель дискурса окрашивается дополнительной конкретикой в результате выбора типа дискурса, то есть разновидности дискурса в зависимости от социокультурных параметров общающихся. И, наконец, модель дискурса испытывает влияние модусного фактора, обусловленного официальным или неофициальным стилем общения. Взаимодействие системы и модели дискурса отражено на рис. 1.

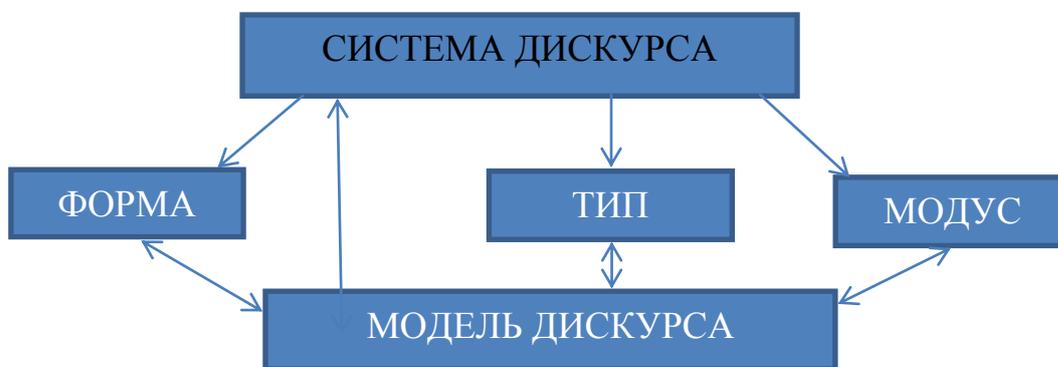

Рис. 1. Взаимодействие системы и модели дискурса.

Экстралингвистическая составляющая общего фонда знаний также представляет собой образование, состоящее из нескольких уровней вербального и невербального характера. Вербальный аспект общего фонда знаний включает оперирование единицами, относящимися к описанию антропосферы, то есть единицами непосредственно культурологического порядка. Это так называемые фоновые знания, обуславливающие свободное владение именами, фактами, высказываниями, прецедентными текстами и т.п., имеющими широкое хождение в данной лингво-культурной общности. Вербальный характер этой части общего фонда знаний обусловлен использованием совершенно конкретных языковых единиц. Невербальная составляющая общего фонда знаний складывается из знания истории, философских взглядов, лежащих в основе общественного уклада лингво-

1.3. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ В ДИСКУРСЕ

Культурологический заряд общего фонда знаний прежде всего обусловлен и предопределен маркированностью экстралингвистической составляющей. Ярко и наглядно культурологическая компонента выступает реализуясь вербально в виде вербального упоминания имен, типичных высказываний, текстов, относящихся к культуросфере данного этносоциума. Вербальный аспект общего фонда знаний, получивший выше именование фоновых знаний, характеризуется прецедентностью. Прецедентность является важнейшей характеристикой фоновых знаний и позволяет рассматривать фоновые знания в лингвокультурологическом ключе как объединяющие этносоциум и характерные для него модели социокультурного поведения и ментально-языкового восприятия. Необходимо оговориться, что термин «фоновые знания» имеет различную интерпретацию в лингвистике. Он предполагает совокупность двух элементов: знание и понимание непосредственной ситуации общения (то, что можно назвать «ситуативной конкретикой», несколько изменив термин И.Н. Горелова [128]) и, кроме того, владение более широкой информацией о мире, что обусловлено принадлежностью индивида к данной национально-культурной традиции. Знания, относящиеся к пониманию ситуативной конкретики, можно назвать фоновыми знаниями в узком смысле слова. Второй из обозначенных здесь элементов предполагает владение культурно-языковым кодом (при этом культурно-языковой код предполагает сращение аспектов языка и культуры, свойственное для данной национально-языковой общности). Выделение фоновых знаний этой природы является следствием широкого подхода к изучаемому явлению.

Такое двоякое (расширительное и узкое) понимание фоновых знаний отнюдь не противоречит уже сложившемуся в лингвистике пониманию данного феномена. Несмотря на имеющие место расхождения в терминологии (см. «вертикальный контекст» О.С. Ахмановой [4], «пресуппозиция» В.А.

Звегинцева [24], «тезаурус» Г.В. Колшанского [33]), к определяющим свойствам фоновых знаний относится то, что они (1) характеризуются невербализованностью [77], [14]: это невербальная составляющая процесса коммуникации, (2) обоюдное знание этого невербального компонента коммуникации обуславливает успешность процесса коммуникации [77: 7] и (3) касается знаний культуры, истории, географии, прагматики [4: 47-49].

Принимая во внимание тот факт, что фоновые знания в широком смысле слова объединяют всех носителей одного и того же культурно-языкового кода, необходимо задаться целью выявить культурологический компонент фоновых знаний, то есть из всего объема фоновых знаний выделить те, которые отмечены наличием культурологической компоненты. В этом смысле интерес представляет: (1) природа культурологической компоненты: какие объекты реальной действительности послужили ее источником, (2) языковое выражение культурологической компоненты: единицы какого уровня языковой иерархии служат передаче культурологической информации, (3) характер данного типа фоновых знаний. Задачей исследования культурологического плана может стать выявление тех разновидностей культурологически маркированных фоновых знаний, которые являются наиболее частотными в коммуникации.

Наиболее ярко культурологическая компонента проявляется при упоминании реалий. Реалии - это названия материальных объектов, явлений, понятий, имеющих прямую связь с историческим периодом времени [71:11]. Так, к реалиям относят: (1) географические названия, имеющие культурные и исторические ассоциации (топонимы), (2) имена известных людей (антропонимы), (3) названия произведений литературы и искусства, исторические факты и события жизни страны, названия государственных и частных заведений и т.п., (4) географические термины, обозначающие специфические черты географического положения, фауны и флоры, (5) некоторые слова (включая широко известные термины), относящиеся к

государственной, политической системе страны, юриспруденции, искусству, системе образования, производства [71:8].

E.g. Affairs of State are now conducted without tears. To us it is strange to hear that Cromwell and his council spent eight hours sobbing and crying before they signed the King's death-warrant. In our House of Commons there is sometimes excitement; and though a Lobby correspondent recorded that on one occasion Mr. Asquith 's voice «broke like the string of a Stradivarius under the bow of a maestro», who would believe that an event similar to Lord John Russell's withdrawal, during the Crimean war, of his second Reform Bill (say Mr. Lloyd George's withdrawal of the Insurance Bill, to which he is so personally pledged) could evoke such a scene as this? «I know «, wrote an M.P. in 1854, describing it, «that the unbidden tears gushed to my cheeks, and looking round I see scores of other careless, worldly men struck by the same emotion — and even the Speaker (as he subsequently admitted to me) was affected in precisely the same manner. The face of Disraeli was, of course, as immovable as usual, but Mr. Walpole wept outright». And when poor Mr. Walpole cried some years later because the mob had torn up the railings of Hyde Park, he was dubbed «weeping» Walpole, and there were jokes in Punch about «tears, idle tears!» Yes, time is against tears.

«If you have tears, prepare to shed them now «. for though it is not a good moment, it is the best you will get (MacCarthy) [114].

Данный микротекст изобилует ссылками на реалии топонимического (*Hyde Park*), антропонимического (*Cromwell, Asquith, Lloyd George, Lord John Russell, Disraeli, Walpole*), исторического (*his <Cromwell's> council, King's death-warrant, the Crimean war*), государственно-политического (*M.P., Reform Bill, Insurance Bill, the Speaker, Lobby, the House of Commons, Punch*), литературно-художественного (цитаты из Теннисона и Шекспира) планов. Соответственно, источником культурологической компоненты данных лексических единиц служит сама реальная действительность, тесно связанная с данным национально-культурным ареалом, под которым понимается сфера действия данной культуры и распространенности ее фактов. Культурологический фон

этноцентрического порядка, создаваемый за счет упоминания или использования реалий, является неотъемлемым элементом дискурса.

Источником культурологической компоненты могут служить вербализованные знания об окружающем мире, имеющие широкое распространение в данной культурно-языковой общности. Знания об особенностях бытового уклада культурно-языковой общности являются определяющими для понимания следующего высказывания: *They agreed in nothing but their perfect neatness, their display of the whitest linen, and their storing-up, wheresoever the existence of a drawer, small or large, rendered it possible, of quantities of rose-leaves and sweet lavender* [110:75]. Комментарии к книге [110:909] содержат указание на то, что розовые лепестки и лаванда, упоминаемые в тексте, клались хозяйками в бельевые комоды для аромата.

Кроме того, культурологическая компонента может маркировать фоновые знания, не этно- или национально-центрические, а характерные для истории мировой цивилизации и культуры и, вместе с тем, имеющие широкое хождение в данной культурно-языковой общности. Примером данного утверждения могут являться библеизмы, широко используемые в англоязычных странах и, соответственно, культуре в целом и в литературе в частности. К этому ряду относятся, например, *Day of Judgement, the Revelations, Methuselah* - Мафусаил, старейший из патриархов, чье имя стало символом долголетия, и т.п.

E.g. <...> - *but if he was to come to our house, with his great shining lumpy forehead, night after night, till he was as old as Methuselah. I wouldn't have anything to say to him* [110:55].

Упоминание знаний универсального характера может вызвать вопрос о правомерности их выделения в исследовании национальной специфичности. Однако в этом отношении мы полностью разделяем точку зрения Д.Б. Гудкова о том, что универсальные, «общечеловеческие» элементы фоновых знаний культурологического порядка национально детерминированы в том смысле, что «в каждом отдельном национально культурном пространстве они

будут занимать свое особое положение» [19: 42] и, хотелось бы добавить, иметь свой круг ассоциаций и коннотаций, а потому и собственное прочтение.

Наряду с фоновыми знаниями, источником которых стали явления, объекты и понятия как этноцентрического характера, так и относящиеся к сфере мировой цивилизации, можно выделить и культурологическую компоненту, источником которой послужили факты социального характера -относящиеся к возрастным, профессиональным, социально-стратификационным особенностям личности. Так, в предложении «*Which he wish to know what the shilling ware for*» [110:275] образовательный статус говорящего обозначен при помощи лишнего «*which*», характерного для синтаксиса малограмотных англичан [110: 918].

Фоновые знания, маркированные наличием культурологической компоненты, чаще всего имеют место при использовании лексических единиц, например: *the Beatles, Disneyland, a Chautauqua, foot, pound* и т. п. Кроме того, фоновые знания могут быть инкорпорированы в структуру текста и дискурса посредством языковых средств иной ярусной принадлежности. Ими могут стать высказывания в полной или усеченной форме, упоминания фактов истории, жизненного уклада.

Таким образом, необходимо подчеркнуть разную природу источников культурологической компоненты фоновых знаний: это могут быть объекты реальной действительности, понятия общекультурной отнесенности, имеющие широкое хождение в данном культурно-языковом ареале, понятия и явления этноцентрического характера, феномены лингвистического порядка, представления, связанные с объектами или фактами объективной действительности. Соответственно, культурологическая компонента фоновых знаний сопряжена, прежде всего, с единицами лексической системы, однако может локализовываться и на других уровнях языковой системы, реализуясь в виде высказываний, СФЕ и текстов.

При выявлении разновидностей фоновых знаний, маркированных наличием культурологической компоненты, можно воспользоваться

классификацией фоновых знаний, которую предлагает В.Я. Шабес. Данная классификация делит фоновые знания на (1) индивидуальные, коллективные и социальные; (2) светские, ненаучные, научные и художественные; (3) типизированные (коллективизированные) и уникальные (единичные); (4) тривиальные и не тривиальные [77:7]. Фоновые знания, необходимые для участия в коммуникации с носителями культурно-языкового кода, чаще всего являются по своему характеру социальными или коллективными, что объяснимо их принадлежностью к социальной группе людей (этносоциум) и их функцией обслуживать коммуникативные потребности этой группы. По отнесенности к сфере действительности фоновые знания могут быть и светскими и не/научными и художественными, что опять же подчеркивает неограниченные возможности референциальной отнесенности фоновых знаний. По групповой принадлежности фоновые знания с культурологической компонентой относятся к коллективизированным, то есть типичным фоновым знаниям, в отличие от уникальных (единичных). В противном случае они не могли бы обслуживать коллективы людей. Этот факт вполне объясним, так как культура объединяет группы людей, это феномен социального порядка. По отнесенности к характеру объекта фоновые знания могут быть *тривиальными* и *нетривиальными*. Если последние могут получить объяснение в процессе коммуникации, то первые являются неотъемлемым атрибутом, характеризующим знания о мире языковой личности - носителя данного культурно-языкового кода. Они не находят объяснения непосредственно в процессе коммуникации, так как относятся к общему фонду знаний о мире данной национально-культурной общности. Соответственно, их незнание может оказаться серьезным препятствием при осуществлении коммуникации. Следовательно, методической задачей может стать выявление таких языковых единиц, которые скрывают в себе культурологическую информацию. Они должны стать обязательным элементом страноведческого компонента содержания обучения.

Для лингвокультуролога представляется важным определить единицу, посредством которой можно было бы описывать фоновые знания в лингвокультурологическом ключе. Как явствует из предшествующего анализа, понятие реалии не покрывает всего множества фактов лингвокультурологического порядка. Реалии являются лишь частью фоновых знаний, хотя, безусловно, их классификация [71: 8] демонстрирует тщательность и детальную разработанность.

Среди множества работ, посвященных выявлению единиц, раскрывающих культурность, или лингво-культурную грамотность носителя языка, нельзя не упомянуть исследований Ю.Н. Караулова. В качестве инструментов исследования он предлагает, с одной стороны, прецедентные тексты, а, с другой, места памяти.

Прецедентные тексты выделяют один пласт фоновых знаний, связанный со знанием релевантных для данного этносоциума текстов. Местами памяти предлагается называть «крупные явления национальной истории и культуры, известные большинству носителей данного языка и культуры, хранящиеся в памяти поколений и связанные, как правило, с именами собственными - антропонимами и топонимами» [29: 154]. Данное метафорическое название лингвокультурологических единиц образно описывает природу обозначаемых им явлений. Вместе с тем данный термин обладает большой ограничительной силой. Прежде всего, из множества культурных объектов места памяти выделяют исторические и культурные явления данного этносоциума. Во-вторых, оказывается ограниченным и языковой план выражения изучаемых явлений. В круг изучения вовлекаются преимущественно имена собственные - антропонимы и топонимы. Однако проведенный выше анализ культурологически маркированных фоновых знаний наглядно демонстрирует и убеждает, что круг включенных в рассмотрение культурологических явлений и способов их языкового выражения гораздо шире. Места памяти и прецедентные тексты могли бы быть рубриками более широкой классификации.

Представляется, что единицей такого порядка могла бы быть логоэпистема. Напомним, что логоэпистема представляет собой «языковое выражение закрепленного общественной культурной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [34: 5]. Возможность использования термина «логоэпистема» для описания широкого спектра явлений культурологического порядка вытекает из существа ее определения. Логоэпистема не ограничивает диапазон языкового выражения, подчеркивает закрепленность культурного понятия или предмета [19: 121] в сознании языковой личности и языкового коллектива, покрывает культурологические явления этноспецифической природы и мирового масштаба. В силу вышесказанного представляется возможным определить логоэпистему как языковое выражение культурологически маркированной части фоновых знаний (например, в отличие от «ситуативной конкретики»), как единицу лингвокультурологического исследования в силу отмеченности наличием культурологической компоненты. Наряду с выделенными параметрами логоэпистемы необходимо подчеркнуть то свойство логоэпистемы, которое способствует ее становлению и закреплению в языковом сознании носителя языка и вместе с тем является доказательством ее собственного существования. В широком смысле логоэпистема является средством языкового выражения прецедентных явлений культурологической природы.

Прецедентность предполагает наличие в языковом опыте коммуникантов в силу зафиксированности в данном лингво-культурном коде сведений и представлений культурно-исторического характера. Явление прецедентности покрывает широкую область проявлений и реализации культурологической компоненты в сфере фоновых знаний. Прецедентность как лингвокультурологическая характеристика позволяет объединить представления о разнородных явлениях в единый блок культурологически маркированных фоновых знаний и структурировать этот блок.

Прецедентный характер единиц, входящих в общий фонд знаний носителей языка, давно обратил на себя внимание исследователей, работающих в области межкультурной коммуникации и лингвокультурологии. Первый шаг в данном направлении был сделан Ю.Н. Карауловым, который констатировал необходимость выделения и изучения корпуса прецедентных текстов. При этом с точки зрения Ю.Н. Караулова, идентификация текста производится в широком смысле. Под текстом мыслится любое высказывание или последовательность высказываний, принадлежащая одному участнику коммуникации. Оставляя термин «прецедентный текст» для языкового аспекта исследования, считаем, что в прагматическом плане объектом лингвокультурологического исследования должно стать явление прецедентности. Такой подход позволяет, с одной стороны, расширить базу исследования, а с другой, специфицировать объект исследования. Соответственно, предлагается ряд уточняющих терминов: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация. Таким образом, текст получает другую, более узкую интерпретацию и соотносится с рядом подобных явлений. Все вместе они подведены под общую категорию прецедентных феноменов. Такая интерпретация отличает подход целой группы исследователей (см.[18],[23],[36],[70]). Под прецедентными феноменами Д.Б.Гудков понимает «те «культурные предметы», представления о которых входят в когнитивную базу» [19:53]. Прецедентные феномены соотносятся с национально детерминированными минимизированными представлениями, составляющими, с точки зрения Д.Б. Гудкова, когнитивные единицы. Выше мы уже выразили свое отношение к термину «когнитивный» в рамках лингвокультурологического исследования. Сообразно логике данной работы прецедентные явления понимаются как представляющие собой культурные предметы, которые являются частью культуросферы, или культурного фонда данного лингвокультурного сообщества. В силу вышесказанного остаемся на позициях выделения логоэпистемы как языковой единицы, вербализующей представление о

прецедентных явлениях. Что касается прецедентных феноменов, или явлений, то вслед за Д.Б. Гудковым [17] и В.В. Красных [36: 51-52] также считаем возможным охарактеризовать их, экстраполируя свойства прецедентного текста в интерпретации Ю.Н. Караулова: (1) значимость в познавательном и эмоциональном отношении; (2) известность широкому кругу лиц; (3) неоднократность обращения в дискурсе представителей лингво-культурной общности. Прецедентные явления служат реальной основой для образования культурологически маркированных фоновых знаний культурно-исторического порядка, находящихся в разнообразном языковом оформлении и имеющих в качестве источника разнообразные сущности. Соответственно, по источнику происхождения, носителю прецедентности, можно выделить прецедентные тексты, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания, прецедентные имена (антропонимы и топонимы), прецедентные «словечки», прецедентные псевдотексты, прецедентные жанры, прецедентные факты. Необходимо подчеркнуть, что некоторые из указанных терминов уже нашли свое место в классификациях, потому представляется возможным использовать некоторые имеющиеся на данный момент дефиниции, выработанные в рамках различных лингвокультурологических исследований. Логэпистема, восходящая к прецедентному тексту (далее: ПТ), предполагает «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, предикативную единицу, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу входит инвариант его восприятия, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы». В качестве символов могут фигурировать указания на текст посредством цитаты, имен персонажей, автора, заглавия [19: 54], то есть вербальные знаки, связанные с данным текстом. Так, статья о тенденциях в мире высокой моды имеет заглавие *War and tease* и содержит явную отсылку к английскому варианту звучания «Войны и

мира»: *War and peace*. Данное заглавие, восходя к логоэпистеме *War and peace*, служит лишь для привлечения внимания к уже известной логоэпистеме, связанной с прецедентным текстом общемировой значимости и известности.

Воспроизведению подлежит также смысл текста или особенности его структурной организации. Так, в рассказе Р. Брэдбери реклама фантастического туристического агентства Time Safari, INC. представляет собой логоэпистему, восходящую к прецедентному рекламному тексту (*You name it, you 've got it*):

You name the animal.

We take you there.

You shoot it ([105: 68] Bradbury, 68).

За счет логоэпистемы, воссоздающей ПТ, достигается правдоподобие, реальность изложения. Текст объявления, обычно присутствующий на общественном транспорте, *In case of emergency break glass* служит прецедентным при создании соответствующей логоэпистемы в газетном тексте: *In case of political emergency break glass and scream «social security»* [124], что способствует созданию комического эффекта.

Текст известного детского стихотворения «*For want of a nail, a shoe was gone, ...*» является прецедентным для логоэпистемы, развернутой в рассказе Р. Брэдбери «A Sound of Thunder»: гид предупреждает туристов, отправившихся на машине времени в доисторические времена, ничего не трогать без предварительного разрешения и не сходить с тропы, ибо это может иметь драматические, необратимые последствия в дальнейшей истории человечества: *For want often mice, a fox dies. For want of ten foxes, a lion starves. For want of a lion, all manner of insects, vultures, infinite billions of life forms are thrown into chaos and destruction. Eventually it all boils down to this: fifty-nine million years later, a cave man, one of a dozen on the entire world, goes hunting wild boar or sabre-tooth tiger for food. But you, friend, have stepped on all the tigers in that region. By stepping on one single mouse. So the cave man starves. And the cave man, please note, is not just any expendable man, no! He is an entire future nation. From*

his loins would have sprung ten sons. From their loins one hundred sons, and thus onward to a civilization. Destroy this one man, and you destroy a race, a people, an entire history of life (Bradbury,)[105:71].

Наряду с прецедентными текстами существуют прецедентные квазитексты. Логоэпистема, восходящая к квазитексту — это сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу. Источником данной логоэпистемы могут быть «фильмы, спектакли, рекламные ролики, анекдоты, клише, бытующие в речи современников, высказывания шоуменов, общественных деятелей, политиков. При этом нередко сознательно эксплуатируются неудачные, порой неграмотные высказывания последних с целью достижения комического эффекта (от юмора до сарказма). Естественно, созданные на базе перечисленных источников тексты в познавательном и эмоциональном отношении несопоставимы с прецедентными текстами высшей пробы (ср.: «*Быть или не быть*») но в функциональном плане они «работают» по одной схеме и решают одинаковые задачи, что позволяет назвать их квазипрецедентными» [70: 178]. Представляется, что прецедентность этих текстов неоспорима, но в силу их своеобразной природы их можно было бы именовать прецедентными квазитекстами.

Е.g. Один из заголовков журнала Newsweek «*Dracula Forever*» представляет собой слияние названий двух известных кинофильмов: «*Batman Forever*» и «*Dracula*» [121]. Еще один заголовок «*Dude, where's my Benz?*» [122]. практически полностью повторяет название известного кинофильма «*Dude, where's my car?*», только специфицируя марку авто. Сокращенное название одной кинокартины «*Crouching Tiger, Hidden Dragon*» используется в обзоре о вновь выходящем фильме «*Planet of the Apes*»: «*But his huge leaps are more «Crouching Tiger» than jumping chimp*» [199] . «*Oops ... They did it again*» [122] представляет собой название статьи о безопасности полетов в США и полностью повторяет название кинофильма.

Логоэпистема, восходящая к прецедентному высказыванию, представляет собой репродуцируемое высказывание, являющееся сложным знаком, смысл которого не равен сумме значений его компонентов. Прецедентное высказывание представлено цитатами в (1) традиционном понимании, (2) несколько измененном виде, который тем не менее не препятствует узнаванию воспроизводимого высказывания, (3) в усеченной форме. Наиболее частотны логоэпистемы, репродуцирующие прецедентное высказывание в измененном виде, что однако не мешает выстраивать параллели между источником и новым воспроизведением. Это достигается за счет упоминания ключевых, веховых компонентов высказывания, то есть тех, которые отвечают за смысл оригинального высказывания. E.g. «*She was about twenty-five, with green eyes, a firm chin. Dull red hair, and a magnificent figure that did not hide its light under a bushel*» ([103:30] Asimov, p.30) восходит к библейскому «*Neither do men light a candle and put it under a bushel*» ([101] the Evangel of St. Matthew- Евангелие от Матфея, 5,15).

При рассмотрении вопроса о прецедентных высказываниях как совершенно логичный возникает вопрос, являются ли пословицы и поговорки прецедентными высказываниями. Претендовать на статус прецедентных высказываний пословицы и поговорки могут в силу того, что характеризуются довольно стабильной формой высказывания, репродуктивны в воспроизведении, являются сложным знаком и знакомы большинству носителей языка. Эти аргументы позволяют некоторым исследователям приравнять прецедентные высказывания и, с одной стороны, и пословицы и поговорки, с другой [23: 144]; [36: 57]. Несмотря на очевидные черты сходства, полагаем, что прецедентные высказывания не могут иметь ранга пословиц и поговорок, то есть принадлежать уровню фразеологических единиц. Причиной этого является принадлежность пословиц и поговорок системе языка: это продукт длительного хранения и использования. Прецедентное высказывание имеет авторство. Кроме того, прецедентные высказывания имеют определенный срок давности, который действует для фоновых знаний [82]. Безусловно, некоторые

прецедентные высказывания «приживаются» и становятся неотъемлемым элементом культурной компетенции (например: «Объять необъятное», «Из искры возгорится пламя» и т.п.) и, тем не менее, авторское происхождение прецедентного высказывания, будучи его существенной характеристикой, определяет его статус как отличный от пословиц и поговорок.

Прецедентная ситуация - «некая «эталонная», «идеальная» ситуация с определенными коннотациями», представленная в виде дифференциальных признаков [19: 55]. Эти дифференциальные признаки реализуются посредством лексических единиц, составляющих картину данной ситуации и являющихся ее неотъемлемыми элементами. Так, ситуация возвращения блудного сына предполагает наличие следующих дифференциальных признаков: отец, сын, возвращение / возвращаться с повинной, прощение / прощать:

E.g. *Then the prodigal son crawled to his father and asked for a job* ([112:58] Grisham, 58). Прецедентная ситуация в данном тексте параллельна библейской. Так же как и в Священном писании, сын Трои Филан получил большую сумму денег на день рождения. После нескольких лет сладкой жизни он возвращается к отцу. Возвращение с повинной с очевидностью пресуппонируется глаголом *crawled*. Прощение состоялось, так как отец дает работу своему непутевому сыну в своей собственной компании.

Ситуация подписания мирного договора 1918 года по окончании Первой мировой войны предполагает для американцев следующие дифференциальные признаки: В. Вильсон - триумф - Елисейские поля, что и находит отражение в следующей характеристике политической ситуации, но уже в современной Венесуэле:

E.g. *Only a year ago the Venezuelan president paraded through Caracas like Woodrow Wilson on Elysees* [120]. Происходит взаимоналожение основных признаков ситуации: лидер нации: В. Вильсон / the Venezuelan president - знак триумфа: триумф / paraded — место действия: Елисейские поля / Caracas.

Прецедентное имя - это имя собственное: антропоним или топоним, реального или вымышленного характера, но широко известное носителям языка

и имеющее определенную связь с культурной историей данного лингвокультурного сообщества. Ссылка на прецедентное имя осуществляется в следующих логоэпистемах:

E.g. *Margery and Minnie were very different from each other. Why young maidens? Who hunt in couples and invariably dress alike should differ as much in character and temperament as Boadicea and Mrs. Hemans afford a speculation as fantastic as it is futile* [109: 7-8]. Действительно, разница, которую пресуппонируют интенционалы этих двух знаков, существенна: королева Боудикка отличалась мужеством и решительным характером, а поэтесса Felicea Dorothea Hemans принадлежит к романтическому направлению и достигла незначительной известности.

Ссылка на прецедентное имя топонимической природы осуществляется в рамках следующего высказывания:

E.g. *To the south an aerospace mogul has gussied a Norman pile complete with drawbridge and watertower, which the surfers ... call Camelot* [116: 38]. Логоэпистема, содержащая ссылку на мифический двор короля Артура, Камелот, порождает коннотацию недоступности.

Довольно типичным для логоэпистем, восходящим к прецедентному имени, является то, что микротекст часто содержит одну из важнейших для данного прецедентного имени характеристик, входящих в интенционал данного знака. Соответственно, логоэпистема, восходящая к прецедентному имени, занимает место в изотопической цепочке:

E.g. Peron (populism): *They were especially revolted by his Peronist populism* [120].

Checkov (concise): *So concise they rival Checkov* [119]. W.Wilson (messiah): *Chavez was a Wilsonian messiah who achieved a Nixonian dream* [120].

G.B. Shaw (erudition, lucidity, fine judgment): *When it comes to reviewing, if you want erudition, lucidity, and fine judgment, read George Bernard Shaw on classical music <...>* [123].

Savonarola (mask), Voltaire (smile, glee): «*Perfectly wrong*», said Mr. Baker — and the bony, emphatic mask of Savonarola positively twinkled with his Voltairean smile - <...> [113:64]. Mr. Baker's face was positively twinkling with Voltairean glee [113:78].

Логоэпистемы, содержащие прецедентные слова / словечки, представляют собой лексические единицы, имеющие широкое хождение в данном лингво-культурном сообществе, введенные в лингво-культурный обиход как обозначения некоторых понятий, за которыми стоят явления социально-политической или культурной жизни общества. Так, *hawks and doves* служат для обозначения сторонников жесткого политического курса и сторонников политики мира [129: 217]: «...helped make this self-styled dove a hawk» [120]. *Politically correct* употребляется и в сокращении *PC*. Это слово имеет широкое хождение в современных США и означает «общественно приемлемый» [129: 398]. Среди прецедентных слов много заимствований, часто связанных с обозначением явлений культурологического порядка: *voilal, femme fatale, infant terrible*.

Прецедентный жанр — стереотипный для данной лингво-культурной общности жанр, результат смыслового обобщения формальных и / или структурных особенностей, характерных для того или иного жанра. Так, прецедентным жанром для русской языковой личности является частушка, анекдот, для английской - лимерик. По сути, прецедентный жанр - это наивысшая форма концептуализации того или иного литературного жанра. Прецедентный жанр предполагает довольно четкий набор образов и мотивов, который стал стереотипным для членов данной лингво-культурной общности.

Прецедентный факт - широко воспроизводимый реальный исторический факт, имеющий определенные коннотации в языковом сознании представителей лингво-культурного сообщества. Отличие прецедентного факта от прецедентной ситуации состоит в том, что прецедентный факт связан с определенными ассоциациями. Для прецедентной ситуации важно существование дифференциальных признаков, которые и могут быть «обыграны» при воспроизведении. Так, в

упоминавшемся выше рассказе Р. Брэдбери «A Sound of Thunder» герои, воспользовавшись машиной времени, улетают в прошлое. На пути они встречают даты-вехи, символизирующие определенные факты и события, важные для становления США как государства.

E.g. Switch on. Let's go home. 1492. 1776.1812. They cleaned their hands and faces. They hanged their caking shirts and pants [105:77].

Знаменательные даты в данном тексте отсылают к соответствующим фактам, событиям истории США: 1492 - открытие Америки Колумбом, 1778 - провозглашение «Декларации Независимости», 1812 — объявление Соединенными Штатами войны Великобритании.

Давая обзор прецедентных явлений, нельзя не согласиться с Д.Б. Гудковым, что между прецедентными феноменами отсутствуют жесткие границы [19: 55-56]. Связь прецедентного высказывания с прецедентным текстом может затушевываться, и прецедентное высказывание, соответственно, может получить самостоятельный статус, автономный от текста-первоисточника. Так, в журнале Newsweek в статье о президенте Аргентины автор обращается к нему, используя известное американским носителям английского языка высказывание, восходящее к названию романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» / «For whom the bell tolls»: *Ask not, Hugo, for whom the caserolas clang, they clang for thee* [120]. Высказывание соотносится с реальной ситуацией, когда Президент Аргентины Уго Чавес обнаружил, что он более не пользуется популярностью масс: при посещении одного из предместий Каракаса вместо возгласов приветствия и одобрения он услышал стук и звон кастрюль, свидетельствующих об обратном. Ссылка производится именно на прецедентное высказывание *For whom the bell tolls* из романа Э. Хемингуэя, так как обыгрывается смысл и глубинное значение прецедентного высказывания: этот звон кастрюль хоронит У. Чавеса.

Примером пограничного случая — указание на прецедентное имя и прецедентный текст - является и следующее высказывание. В ходе одного из расследований удивленная вопросом Эркюля Пуаро героиня восклицает: /

suppose this is the Sherlock Holmes touch [111: 149]. Тем не менее, в данном контексте на первый план выступает логоэпистема с прецедентным именем как носитель определенного признака. В пользу такой трактовки свидетельствует и сам лексико-грамматический контекст: употребление логоэпистемы с прецедентным именем в позиции определения к другому существительному и наличие определенного артикля перед прецедентным именем. Атрибутивная позиция существительного, являющегося именем собственным, служит указанием на признак или набор признаков, свойственных носителю данного имени. Синтаксическая позиция в данном случае отражает то, что говорящий располагает знанием концепта человека, носящего данное имя, с присущими для этого концепта характеристиками. Таким образом, в данном случае прецедентным оказывается именно имя, хотя и, безусловно, связанное с прецедентным текстом. Значимость прецедентного имени подчеркивается и наличием словарной статьи *Sherlock Holmes* в [136: 634]: *a detective in stories by Sir Arthur Conan Doyle. Holmes smokes a pipe, plays the violin, and uses his impressive brain to understand mysterious deaths and other problems. He often says, «Elementary, my dear Watson» to his friend Dr Watson, to show how easy to understand something is.* К сожалению, в статье нет указания на неординарность методов Шерлока Холмса, что, несомненно, является частью его образа. Именно эта характеристика оказалась задействованной в процитированном выше контексте. Данный анализ указывает на необходимость текстологического наблюдения над использованием логоэпистем с прецедентными именами и прочими прецедентными феноменами, которое бы позволило сообщать наиболее выверенные и текстово обоснованные сведения.

Прецедентное имя при условии связанности с прецедентным текстом, также может указывать и на текст-первоисточник, но может и автономизироваться. Прецедентное имя, связанное с прецедентным текстом, акцентирует одну из линий текста. Порою прецедентный текст минимизируется до прецедентного имени. Ярким примером этого выступает известная книга Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» / «*Alice in Wonderland*».

Имя Алисы, указывая на прецедентный текст-первоисточник, безусловно, получило самостоятельность и в целом служит обозначению открытого ребенка в неизведанной стране, сталкивающегося с непонятными и загадочными явлениями. Характерно, что интенционал знака не фигурирует в лингвострановедческих словарях, несмотря на поставленную авторами задачу помочь «с полным пониманием английских слов и словосочетаний», «обеспечить полноту картины, дать читателю возможность понять все нюансы, с какой бы темой ему ни пришлось иметь дело» [127:8]. Однако знакомство с экстенционалом знака не решает данной проблемы. В [127:41] *Alice* имеет следующее пояснение: «*Алиса (девочка-героиня детских книг «Алиса в стране чудес» [«Alice's Adventures in Wonderland»], 1865, и «В Зазеркалье» [Through the Looking-Glass], 1872, Л.Кэрролла; книги пользуются огромной популярностью не только у детей, но и у взрослых и постоянно цитируются как в художественной, так и в публицистической литературе; многие фразы стали крылатыми; Л. Кэрролл — псевдоним математика Ч. Доджсона*». Довольно объемная словарная статья тем не менее не содержит информации об интенционале рассматриваемой логоэпистемы, не раскрывает нюансов ее употребления. Попытки преодолеть это ограничение предприняты в лингвокультурологических словарях нового поколения. Ср.: *Alice in Wonderland - a story by Lewis Carroll, in which a little girl called Alice falls down a rabbit hole and comes to a magical land where many strange animals appear and funny things happen. The expression Alice-in-Wonderland is sometimes used to describe something strange or unreal, as if in a dream* [136:26].

Тесно связанными между собою оказываются прецедентное имя и прецедентный факт, ибо упоминание имени может породить воссоздание стоящего за этим именем или связанным с ним фактом. Так, разговаривая с индейцем и отмечая его холодность и враждебность, главный герой романа Пола Монетта задается вопросом: *Why do you think he treats me like General Custer?* [116:108]. Американский генерал Кастер, сражаясь против индейцев, прославился своей жестокостью по отношению к ним и, соответственно,

вызвал ненависть к себе со стороны индейского населения, от рук которого и погиб, попав в засаду одного из индейских племен. Ссылка на известную историческую личность граничит с упоминанием прецедентного факта, за счет чего образно «схвачены» особенности конситуации. Один из героев Р. Брэдбери упоминает королеву Елизавету, указывая тем самым на известный факт, что время ее правления было одним из периодов могущества Англии, простиравшегося на суше и на море и умножившего ее территории за счет присоединения новых земель, в том числе и Америки: *Queen Elizabeth might never be born, Washington might never cross the Delaware, there might never be a United States at all* [105:71], и, соответственно, если бы она не родилась, не состоялись бы экспедиции знаменитых морских волков, не началась бы история Соединенных Штатов, что и находит дальнейшее подкрепление при развертывании высказывания.

Существуют очевидные корреляции между прецедентной ситуацией и прецедентным фактом. Однако для прецедентной ситуации очень важны дифференциальные признаки, в виде которых она и существует в сознании носителя языка. Для прецедентного факта значимы коннотации, ассоциации, следствия данного факта. В упоминавшемся выше рассказе Р. Брэдбери гид предостерегает туристов, путешествующих во времени, чтобы они не сходили с тропы во избежание необратимых последствий. В приведенном выше примере логоепистема восходит к прецедентному факту, хотя он соотносится с ситуацией. Последствия факта обозначены цепью простых предложений. Референция производится к факту переправки американских солдат войска генерала Дж. Вашингтона через реку Делавер во время кампании 1766г., когда они нанесли сокрушительный удар по численно превосходящим силам англичан, что, безусловно, было важнейшим событием в истории становления американского государства.

Логоепистемы характеризуются наличием интенционалом. В связи с этим анализ «фразовой атмосферы слова» [8: 293], то есть сочетаемости позволяет эксплицировать коннотации. E.g. *as segregated as the Jim Crow*

South[123]; *Peronist populis* [120]; *triumphed napoleonically* [120]; *nixonian dream* [120] *wilsonian messiah* [120]; *Rasputin conniving behind the throne* [120]; *alive like Disneyland* [122]; *dead like Pompeii* [122], *vicious Darwinian jungle* [121].

Коннотативность логоэпистем объясняет частое использование логоэпистем для создания экспрессивного эффекта [17: 123], а «экспрессивная окраска самым непосредственным образом связана с аксиологическим отношением» [66: 22]. Оценочность логоэпистем суть субъективного свойства. Их субъективность проистекает из эмоциональности. Причем логоэпистемы производят отсылку не к норме, а к эталону-полюсу того или иного свойства. Соответственно, универсальные понятия «жадность», «жестокость», «хитрость» и т.п. приобретают культурологическую маркированность в силу национальной детерминированности средств вербализации. Так, русская языковая личность¹ не воспринимает В. Вильсона как мессию. А именно в этой роли данный политик выступает в американской истории: 14 пунктов плана Вудро Вильсона по урегулированию международного конфликта саркастически сравнивали с 10 заповедями христианства [117: 91]. Соответственно, одно и то же качество приобретает реальное воплощение в различных образах для разных народов.

Таким образом, логоэпистемы, являющиеся готовыми образами для обозначения свойств, ситуаций, признаков, позволяют избежать прямого наименования перечисленных сущностей, что придает речи дополнительную образность. Вместе с тем культурологическая маркированность, или национальная детерминированность, служит дополнительному к языковому уровню кодирования информации. В этом случае язык приобретает статус лингво-культурного кода. Использование лингво-культурного кода повышает

---

¹ Языковая личность в данной трактовке с обязательностью предполагает определенное мировидение, связанное с культурной традицией этносоциума. Языковая личность являет собою совокупность системных, функциональных, культурологических параметров языконосителя. Языконоситель не задумывается о природе культурологической маркированности этих параметров. Он черпает эти знания вместе со знанием родного языка и социо-культурного контекста. Причем язык и культура уже на этом уровне переплетены настолько тесно, что выступают как единый комплекс, как культурно-языковой код, обеспечивающий доступ к эффективной коммуникации и интерпретации дискурса.

степень аутентичности высказывания, способствует созданию «своей» атмосферы, закрытости от «коммуникативных чужаков».

Что объединяет все логоэпистемы, имеющие коррелятами прецедентные явления, - это их функционирование в качестве сложного знака, выступающего в качестве символа. Этим логоэпистемам сопутствуют национально детерминированные минимизированные представления. Порою эти представления вербализуются в более полной форме, что влечет за собой использование лексических единиц, принадлежащих к данному тематическому пласту. Такое использование логоэпистем, безусловно, облегчает понимание текста. Тем не менее, логоэпистема, отсылающая к определенному прецедентному явлению, может не получить экспликации в виде сопутствующего смыслового подкрепления, выраженного в форме лексической единицы. В таком случае «чистое» воспроизведение прецедентного явления затрудняет понимание текста непосвященным адресатом. Соответственно, в функциональном плане логоэпистемы характерны для произведений художественной литературы, текстов публицистического и политизированного характера, для неофициальной коммуникации. Вместе с тем настоящее время, характеризующееся процессами глобализации, предъявляет новые требования к деятелям искусства, СМИ. К примеру, усиление культурологической маркированности создает дополнительное препятствие для непосвященного зрителя. «Мировое кино» требует унификации используемого языка. Интерес представляет и анализ языка современной художественной литературы, изучение направлений художественного творчества на предмет выявления его национальной специфики.

Список прецедентных явлений остается открытым и может пополняться в связи с расширением ресурсной базы. Как можно заключить, все эти прецедентные явления лежат в основе культурного багажа носителя языка и в виде логоэпистем представляют неотъемлемую часть лингвокультурного кода. Сознавая тот факт, что «вся наша языковая деятельность - и создаваемая и воспринимаемая нами речь - пронизана блоками-цитатами из предшествующего

языкового опыта» [13], можно констатировать, что культурная грамотность человека говорящего предполагает распознавание им прецедентных явлений в процессе пользования языком. Культурологическая маркированность логоэпистем и стоящих за ними прецедентных явлений очевидна. Владение ими предполагает не только знакомство, но и осознание реальностей и потенциалов лингво-культурного кода данного национально-языкового сообщества.

Положительный заряд факта выделения прецедентных явлений объясняется еще и тем, что выделение прецедентных явлений позволяет более строго подойти к определению и структурированию реалий. Реалия — это название материального объекта, явления или понятия, который имеет связь с бытом, особенностями сферы проживания и социального уклада того или иного народа. Реалия - это термин, который адекватен для обозначения указанных сущностей в рамках лингвострановедения. Этот термин лишен ценностной окраски. Логоэпистема, служащая обозначению прецедентного явления, обладает ценностным аспектом в связи с ценностным характером культуры, а именно культурные предметы находятся в ведении логоэпистем. Прецедентные явления связывают ценностные установки и факты культуры и истории в единый лингво-культурологический комплекс, относящийся к сфере фоновой информации. Прецедентное явление соответствует логоэпистеме, как объект или явление окружающей действительности своему языковому выражению. Логоэпистема манифестирует действие культурологической компоненты в сфере фоновых знаний.

Прецедентные явления в силу своей языковой выраженности в форме логоэпистемы являются вербализованным компонентом фоновых знаний. Однако фоновые знания могут быть представлены и невербально и актуализироваться в процессе оперирования историко-философской базой данного лингво-культурного сообщества. Историко-философская база находит свое проявление и логическое продолжение в убеждениях, ценностях, религиозных установках, определяющих данный этносоциум. Так, американский этносоциум характеризуется теорией прагматизма, насквозь

пронизывающим данное общество [79: 26-27]. Соответственно, прагматические установки определяют характер и направленность общения. В исторической перспективе вполне понятна ценность быстрых изменений и идей прогресса, характерная для американцев. Для восточной культуры, например китайской, особо значимо отсутствие резких скачков, воздерживание от скороспелых выводов, предпочтение длительного развития в отличие от быстрых решений.

В отношении логического следования от историко-философской базы находится распространенная в том или ином этносоциуме концепция личности и межличностных отношений. Личностный аспект предполагает акцент на индивиде или на человеке как части коллектива, той или иной социальной группы. Что касается межличностных отношений, то в американских деловых кругах наиболее приемлемыми являются равноправные отношения. Они порождают построение симметрической солидарности, что находит совершенно определенное языковое воплощение: использование личных имен (первого имени в английской демографической традиции), довольно неформальный характер построения диалога. Таким образом, в западном обществе делается ставка на приоритеты индивидуальности и равенства. Для восточных культур, как например китайская, в бизнесе приняты другие отношения - отношения симметрического почитания, что подкрепляется в языковом плане сильно развитой системой личных имен с предписаниями, когда и где их употреблять, языком официального общения [94: 123].

Невербальный аспект знаний окружающего мира включает в себя знания исторических особенностей развития данного лингво-культурного сообщества и философских основ, включающих убеждения, а также ценности и религиозные установки. Все это выступает в качестве регуляторов поведения и ложится в основу поведенческих норм, в том числе и в плане проведения коммуникации. Система нравственных ценностей, которая определяет характерные черты поведения, и является своеобразной

национальной философией. Национальная философия обуславливает нравственный идеал, к которому и должны стремиться члены того или иного лингво-культурного сообщества.

Анализируя различные системы моральных установок, которые определяют особенности общения разных народов, исследователи приходят к выводу об универсальном характере ценностных ориентиров. Почтительное отношение к старшим, родителям, женщине, понятие чести, достоинство, толерантность, благожелательность - все эти понятия суть общечеловеческого свойства. «Однако иерархия ценностей, культивируемых и традиционно поддерживаемых в том или ином обществе, имеет свои особенности. Именно иерархия качества специфична для таких традиционных этических систем, как гири в Японии или намус мусульманских народов» [5: 12].

Коммуникативный акт, то есть процесс коммуникации, строится в соответствии с общим кодом, который объединяет партнеров, задает рамки и формат коммуникации. Владение философско-ценностной базой поведения важно для успешности коммуникации. Понимание личности, ее места в обществе и межличностных отношений оказывается определяющим для системы дискурса. Кроме того, оно способствует реализации адекватной формы дискурса.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.

Основной вывод данного раздела работы может быть представлен в виде подтверждения выдвинутой нами гипотезы об лингвокультурном анализе моделей коммуникативного дискурса (стереотипов, этикетных формул и мн. др.). Дискурс как «культуроносный» факт имеет в своей основе взаимодействие языка как транслятора культурной информации и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком. Носитель языка или языковая личность, обладает информацией о целях общения в данной ситуации, коммуникативном этикете, владеет определенным набором клишированных фраз и моделями дискурсивного поведения в ситуации контакта культур. Культурологическая маркированность

национально детеминированного дискурса и составляющих его аспектов и компонентов обуславливается требованиями культуры, предъявляемыми к общению на том или ином языке. Эти требования манифестируются в системе дискурса посредством выбора форм и приоритизации той или иной модели дискурса. Система дискурса предполагает существование некоего конструкта дискурса, реализующегося на практике в виде той или иной модели. Форма дискурса актуализирует способ его построения. Система дискурса и создает основу для лингво-культурного единства коммуникантов. Базой для этого единства является коммуникативная общность, представляемая как сходный информационный уровень собеседников (в данной работе он рассмотрен как наличие единой информационной базы), сходный опыт общения в прошлом, опора на общеизвестные сведения. Природа этой коммуникативной общности имеет характер прецедентности. Прецедентность понимается как наличие кванта культурологически маркированных фоновых знаний в языковом опыте членов лингво-культурного сообщества в силу их воспроизводимости. В этом качестве в дискурсе выступает логоэпистема. Она используется для языкового обозначения прецедентных явлений, занимающих совершенно определенное место в культурной жизни общества. Прецедентные явления охватывают прецедентные тексты, прецедентные псевдотексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена, прецедентные факты, прецедентные «словечки», прецедентные ситуации, прецедентные жанры.

Невербальный блок знаний окружающего мира предполагает владение данными истории, картины мира того или иного лингво-культурного сообщества. Соответственно, это ведет к способности оперировать ценностными установками этносоциума. В свою очередь ценностные установки этносоциума и поощряемые обществом концепции личности и межличностных отношений оказывают прямое воздействие на принципы речеведения. Принципы речеведения определяют построение модели дискурса, продиктованной системой дискурса с поправкой на форму. Форма

дискурса, коррелируя с выбором способа построения в зависимости от принятых в обществе концепций личности и межличностных отношений, оформляет требования к вербальному компоненту речеповедения. Вербальный аспект речевого поведения является результатом фиксации произносительного, лексико-грамматического, структурного и эстетического компонентов построения высказывания.

На прагматико-экстралингвистическом уровне культурологическая компонента имплицирована самой системой дискурса. Ее экстерииоризация производится посредством реализаций форм дискурса. Следствием этого является возможность прямо противоположной векторной направленности исследований национальной специфики культурности. В качестве первоначального представляется возможным исследование системы дискурса с иллюстрированием ее требований и закономерностей посредством анализа вербального аспекта общего фонда знаний. Кроме того, возможен индуктивный ход исследования: от языковой наглядности к выводам о системе дискурса.

Культурологическая компонента может выступать в изначально эксплицированном виде, когда она участвует в структуризации значения. Это наблюдается при употреблении лексических единиц с обозначением реалий, различных прецедентных явлений культурно-исторического характера, то есть того, что в лингвистическом плане получило терминологическое именование логоэпистемы.

ГЛАВА II.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ КОМПОНЕНТОВ ДИСКУРСА КАК РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Компоненты общего фонда знаний предполагают знакомство с требованиями к осуществлению коммуникации. Эти требования реализуются в форме вербального и невербального компонентов в составе коммуникативного дискурса. Вербальный компонент предполагает произносительную, лексико-грамматическую, структурную и эстетическую нормированность составляющих дискурса. Невербальный компонент отвечает за принципы речевого поведения. Все это вместе очевидно коррелирует с двумя сторонами речевого поведения в интерпретации В.Г. Гака. Так, напомним, что с точки зрения В.Г. Гака поведенческий аспект в сфере языка имеет две стороны: «(1) вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях; (2) общие тенденции (константы) языкового поведения, которые проявляются независимо от культурной сферы и отражают как общие закономерности построения высказывания на данном языке, так и свойственные данному социуму правила речевого поведения» [11:142]. Таким образом, вторая составляющая общего фонда знаний в составе дискурса, может получить название речевого поведения и заслуживает отдельного глубокого анализа на предмет культурологической маркированности.

Термин «речевое поведение» достаточно широко употребляется в лингвистических исследованиях последнего времени. Вместе с тем необходимо отметить наличие некоторых расхождений в его понимании. Так, в интерпретации В.Г. Гака акцентируется лингвистическая сущность речевого поведения.

В трактовке О.М. Казарцевой речеповеденческий аспект общения приобретает деятельностный оттенок. За счет того, что наряду с речевыми действиями и неречевыми поступками (мимика, пантомимика, жестикуляция) выделяется третий компонент речевого поведения: результаты деятельности (ее успешность или неуспешность) [28: 11]. В нашем

представлении речевое поведение в идеале направлено на успешное решение задач коммуникации, и потому результаты речевой деятельности либо инкорпорированы в саму деятельность либо являются фактором оценки деятельности. Комбинация лингвистических, экстралингвистических и паралингвистических факторов характерна для трактовки речевого поведения И.А. Стернина. Он подчеркивает комплексный характер речевого поведения и определяет его как «реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности» [62: 97]. При этом выделяются вербальный и невербальный аспекты речевого поведения. Вербальный аспект предполагает «правила и традиции речевого общения в определенных условиях коммуникации», что находит свое отражение в выборе адекватных этикетных формул для различных ситуаций общения, соблюдении последовательности фрагментов общения и временных ограничений для различных ситуаций, приоритизации различных факторов общения в разных коммуникативных группах и т.п. Невербальный аспект охватывает паралингвистические средства, регламентированные данным лингвокультурным сообществом для осуществления процесса общения [62: 98-103]. Таким образом, в сферу исследований речевого поведения попадают лингвистические (набор формул), конструктивные, или структурные (последовательность фрагментов общения), экстралингвистические (временные, социальные, гендерные параметры) и паралингвистические факторы. Однако такой подход к структурированию речевого поведения, а также и наименования рубрик наталкивают исследователя на ряд вопросов как терминологического, так и сущностного характера. Так, первый вопрос касается природы конструктивного, или структурного фактора. Представляется, что по своему характеру, исходя из описания, он также является лингвистическим, ибо структурная параметризация характерна для лингвистических сущностей. Отсюда логично следует второй вопрос - об основе классификации - и, соответственно, рубрикации лингвистических параметров, обеспечивающих валидность категоризации. Положительный заряд рассматриваемой

классификации состоит в попытке структуризации речевого поведения, что, безусловно, очень важно для его детального исследования.

Ход и логика данного исследования предопределяет «лингвистический» акцент в понимании речевого поведения, то есть подход, заявленный В.Г. Гаком. Принципы речевого поведения, лежащие в основе речевого поведения, пресуппонируют широкую интерпретацию речевого поведения. В этом смысле оно понимается как «последовательный (серийный) процесс, в котором задаются генерализованные схемы действия» [68: 348]. Генерализованные схемы действия предопределяются системой дискурса, манифестируются в модели дискурса с поправкой на его форму и, наконец, реализуются в типах дискурса в зависимости от социокультурных параметров (возрастных, временных, тендерных). Это коррелирует с экстралингвистическими факторами речевого поведения И.А. Стернина. Однако в нашей классификации эти характеристики оказываются встроенными в основу, определяющую то или иное речевое поведение.

Вербальный аспект речевого поведения экстернирует глубинные процессы построения дискурса в связи с закономерностями системы и требованиями формы. Вербальный аспект предполагает все возможные манифестации языка.

Что касается паралингвистических факторов, являющихся частью речевого поведения в концепции И.А. Стернина, то не оспаривая принятого им подхода, но сообразуясь с логикой настоящего исследования, считаем целесообразным выделить средства кинетики и проксемики в отдельную группу паралингвистических средств. При этом заметим, что также отдельно рассматривается и мотивационная база говорящего.

Структурирование речевого поведения влечет за собой возможность решения лингвокультурологических задач, а именно: определение действия культурологической компоненты в его рамках. Культурологическая маркированность и национальная детерминированность системы дискурса, лежащая в основе речевого поведения, не вызывает сомнений.

Культурологическая маркированность системы дискурса обуславливается ее природой. Система дискурса будучи понимаемой как система коммуникации, принятая в том или ином обществе, складывается под влиянием национальной философии, концепции личности и межличностных отношений и проявляется в выборе форм дискурса. В настоящий момент выделяются несколько культурно детерминированных форм дискурса. В зависимости от концепции межличностных отношений форма дискурса может быть договорной или установленной, в зависимости от приоритета индивида / коллектива — индивидуалистской или коллективистской; в зависимости от приоритета в понимании коммуникации — информационной или реляционной.

Важным фактором, определяющим форму дискурса, является степень обсуждаемости отношений, то есть значение имеет: носят ли они договорной или ингерентный характер. Для западного общества отношения строятся в договорном порядке на основе равенства и свободы. Эти приоритеты равенства и свободы находят свое крайнее выражение в ценностных установках северо-американского общества. В соответствии с ними культивируется независимость от родственных уз и иерархических отношений другого рода. В отличие от такой постановки дела в восточных обществах важность приобретает принцип иерархичности и коллективизма. Восточная культура учит человека подчиняться старшим, а позднее — вести за собой младших. Принцип иерархичности пронизывает все отношения восточного общества. Родство понимается как ответственность и обязательства как по отношению к старшим, так и по отношению к младшим [94:130-131]. В обществах, ориентированных на восточную культуру с соответствующими ценностями, поддерживаются иерархические отношения, обусловленные ингерентными свойствами участников (родство, возраст, пол, профессия).

Кроме того, форма дискурса зависит от приоритизации интересов индивида или группы. Соответственно, культуры, где доминантой выступают групповые интересы, в языковом отношении не фокусируют внимания на

личных устремлениях, чтобы сохранить гармонию в группе. В индивидуалистском обществе группы не образуются как постоянная величина, как это происходит в коллективистском обществе. В результате разговор в индивидуалистском обществе аналогичен в различных ситуациях, так как всякий раз взаимоотношения в той или иной мере оговариваются. В коллективистском обществе отношения между людьми устанавливаются по факту рождения, принадлежности определенной семье, определенному срезу общества, определенному месту. Соответственно, вне- и внутригрупповые формы проведения речевого общения отличаются и носят фиксированный характер. Так, в недавно проведенных исследованиях установлено, что японцы используют иной, предполагающий упрощение, регистр речи в разговоре с иностранцами. Более того, те, кто разговаривают с иностранцами в обычном режиме, заслуживают осуждения со стороны других японцев. В этом, считают они, проявляется некоторое предательство групповых интересов (описано у [94: 135]).

Формы дискурса зависят от доминирования информативной и межличностной функции языка в процессе коммуникации. Несмотря на то, что в общении часто (но не всегда) комбинируются обе функции, предпочтение может быть отдано одной из них и порою за счет другой. Так, в западных культурах акцент делается на информативной функции языка. А, к примеру, японская культура высоко ценит передачу языком тончайших оттенков чувств и отношений, что достигается в ущерб информативности. По существу, и в тексте описательность всегда достигается за счет ущемления информативности и наоборот.

Все обозначенные опции, выбор которых определяет систему дискурса, приходят во взаимодействие в общении. Противоречия различных систем дискурса находят яркое воплощение в диалоге, приведенном для анализа социокультурных установок и их проявлений в [94: 122].

Mr Richardson: By the way, I'm Andrew Richardson. My friends call me Andy. This is my business card.

Mr Chu: I'm David Chu. Pleased to meet you, Mr Richardson. This is my card.

Mr Richardson: No, no. Call me Andy. I think we'll be doing a lot of business together.

Mr Chu: Yes, I hope so.

Mr Richardson (reading Mr Chu's card): «Chu, Hon-fai». Hon-fai, I'll give you a call tomorrow as soon as I get settled at my hotel.

Mr Chu (smiling): Yes. I'll expect your call.

Оба собеседника находятся в плену собственных стереотипов, несмотря на факт общения на одном языке и способности восприятия поверхностного значения. Мистер Ричардсон рад своей культурной толерантности. Он уважительно, с точки зрения западного человека, назвал своего собеседника его родным именем. Он приравнял его к друзьям, представившись Энди и указав, что так его называют друзья. Он довел разговор о сделке до логического завершения, пообещав позвонить сразу же после устройства в гостинице. Вся роль господина Ричардсона была построена в соответствии с отношениями эгалитарного равенства, предполагающих систему симметрической солидарности.

Не учтенной г-ном Ричардсоном является культурологическая компонента построения дискурса. Так же как не учтена она и г-ном Чу. Владение языком, с его стороны, не является владением лингво-культурным кодом. Английский язык в исполнении последнего вступает в сложные отношения с кодом родной для него культуры. Надо отдать должное г-ну Чу: он попытался выйти за пределы данного культурного кода, назвавшись западным именем. Тем не менее, довольно сомнительно, перешел ли бы он на культурно-языковой код американца даже после этого.

Так, в анализе приведенного выше диалога Р. Сколлон и С. В. Сколлон указывают, что для гонконгского бизнесмена имя Давид, которое он предложил, предпочтительнее в силу того, что в китайской культуре система имен характеризуется чрезвычайной степенью развитости и даже изощренности с точки зрения западного человека: различные имена даются

человеку в различных ситуациях и в различных системах взаимоотношений собеседников. Использование незнакомцем имени, данного родителями, для китайского бизнесмена является источником дискомфорта. Также и улыбка, которой заканчивает разговор г-н Чу, является не выражением дружелюбного расположения, а имеет целью скрыть неловкость от создавшейся ситуации (анализ см. [94: 123-124]). Данная ситуация в противоположном смысле часто встречается тогда, когда происходит взаимоналожение различных систем без внутрисистемного анализа. Иллюстрацией являются случаи, когда наши граждане впервые выезжают за рубеж и испытывают гордость оттого, что при обращении к ним используются такие формы, как «сэр», «мадам», однако это всего лишь формы вежливого обращения в английском языке, а отнюдь не свидетельство признания высокого происхождения адресата. Этот диалог, в котором каждый собеседник пытается проявить уважение к чужой культуре, дает хороший повод для размышлений исследователя-лингвокультуролога.

Первым значимым выводом, к которому заставляет прийти анализ данного диалога, является вывод о языке как лингво-культурном коде. Второй вопрос касается того, является ли человек, владеющий иностранным языком, языковой личностью своего родного языка или ему приходится делать выбор и переходить на другой лингво-культурный код. Третий вопрос касается того, как можно в общении пользуясь одним из языков собеседников, не нарушать культурные традиции, связанные с другим, остающимся неиспользованным лингво-культурным кодом. Четвертый вопрос заставляет задуматься над возможностями использования правил речевого общения, так называемых максим вежливости, разработанных Грайсом. Суть проблемы данных максим состоит в англоцентричности этих правил. Соответственно, встает необходимость проведения широкомасштабных исследований, вовлекающих в свой круг языки разных языковых групп и разных культурных ареалов.

Пятая проблема касается выстраивания «системы дискурса», действующей в той или иной лингво-культурной общности. В связи с признанием существования системы дискурса встает вопрос о том, в какой степени

возможно, если возможно вообще, ведя речь на одном языке, соблюдать законы вежливости другой лингво-культурной общности. Речь в данном случае идет об особенностях интерактивного взаимодействия различных систем дискурса. Возможным ответом на поставленный вопрос может служить точка зрения исследователей межкультурной коммуникации Р. и С.В. Сколлонов, отмечающих, что культуры не говорят друг с другом - говорят личности. Соответственно, общение является не межкультурным, но межличностным [95: 125].

В конечном итоге, все эти проблемы свидетельствуют о несомненной культурологической маркированности дискурса, то есть наличии культурологической компоненты, влияющей на стратегию дискурса. Под стратегией дискурса понимается линия проведения разговора, принятая говорящим для достижения поставленной перед собой цели общения. С точки зрения О.С. Иссерс «речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [68: 54]. Эта проблема находила и находит отражение в исследованиях по культуре речи (см. [43]).

Таким образом, невербальный аспект лингвистического компонента единой информационной базы каузирует наличие культурологической компоненты, которая находит свое выражение уже в вербальном блоке. Как заявлено выше, вербальный компонент предполагает нормативность произносительного, лексико-грамматического, рече-этикетного и эстетического уровней выстраивания сообщения. И.А.Стернин, соответственно, выделяет общекультурные, ситуативные и индивидуальные нормы речевого поведения [62: 98]. В его понимании общекультурные нормы характеризуют всю лингво-культурную общность и в значительной степени отражают принятые правила этикета, вежливого общения. Сюда относятся такие ситуации, как привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, письменное сообщение, поздравление, благодарность, пожелание, утешение, сочувствие,

соболезнование. Ситуативным нормам следуют в тех случаях, когда общение ограничено темой общения или составом общающихся. Так, ограничения по статусу коммуникантов позволяют говорить о таких разновидностях речевого поведения, как вертикальное (вышестоящий - нижестоящий) и горизонтальное (равный с равным). И, наконец, индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и коммуникативный опыт человека говорящего и представляют собой индивидуальное преломление общекультурных и ситуативных норм в рамках данной языковой личности. Таким образом, проведенная классификация норм коммуникативного поведения И.А. Стернина позволяет выявить нормативность / ненормативность речевого поведения человека говорящего в связи с тем, насколько представлены в этом поведении общекультурные и ситуативные нормы. Выделение в структуре речевого поведения норм различного порядка, безусловно, способствует подвижности и адаптогенности данного понятия. Вместе с тем полагаем возможным и необходимым внести большую терминологическую четкость в данную классификацию. Речь в этом случае идет о дифференцировании общекультурных и ситуативных норм. При размышлении над данными терминами и обозначаемыми ими явлениями обращает на себя внимание тот факт, что и ситуативные нормы являются общекультурными, ибо они также характерны для лингво-культурной общности, отражают принятые в ней правила этикета. В связи с этим представляется, что по критерию охваченности можно разграничивать нормы общие, социально-групповые и индивидуальные. Общие нормы речевого поведения характеризуют всю лингво-культурную общность. Социально-групповые нормы действуют в рамках той или иной социальной группы (по профессиональному, возрастному признакам и т.п.). По своей природе, предполагающей источник нормообразования, нормы коммуникативного поведения могут разделяться на ситуативные, ролевые и статусные. Ситуативные нормы отражают правила вежливого общения в ситуациях привлечения внимания, знакомства, приветствия, прощания и т.п. Ролевые нормы общения предписывают нормативы для общающихся,

выступающих в той или иной роли: водителя-пассажира, дочери/сына - родителя, учителя — учащегося, врача - пациента и т.п. Статусные нормы предполагают учет отношений по принципу социальной иерархии, характерных для данной лингво-культурной общности. Соответственно, статусные нормы предполагают вертикальное (вышестоящий — - нижестоящий) и горизонтальное (равный с равным) взаимодействие. Ситуативные, ролевые и статусные нормы могут варьироваться в зависимости от характера отношений между коммуникантами. Характер взаимоотношений (официальный / неофициальный, бытовой / производственный) предполагает наличие модусных норм коммуникативного общения. Таким образом, нормы общения подразделяются в зависимости от охвата общающихся, природы общения и характера общения. В зависимости от обстоятельств, то есть обстановки в которой осуществляется общение [42: 115], доминирующим, то есть определяющим нормативность, может выступать любой из данных классификационных признаков или совокупность некоторых из них.

Лингвисты единодушно отмечают, что «нормы речевого поведения отличаются значительным национальным своеобразием» [6: 12]. Яркой иллюстрацией культурологической маркированности служат проявления лексико-грамматического уровня выстраивания сообщения, что в конечном итоге находит свое выражение в существующих речевых стереотипах, в выборе определенных лексико-грамматических средств. Так, Е.И. Беляева выделяет лексико-грамматические средства оформления декларативных высказываний в английском языке, реализующих принцип вежливости [6].

Структурирование дискурса также культурологически маркировано, ибо организующий дискурс порядок следования частей разной степени информативности закреплен системой дискурса в виде реляционной или информационной формы. Так, исследователи констатируют, что для представителей Запада дискурс строится в соответствии со следующей установкой: вначале следует тема - то, что входит в основной смысл сообщения, а затем следует обоснование. Форма изложения подчиняется

следующей причинно-следственной цепи: *X, так как Y* (1). Для коммуниканта-выходца из Азии типичной является иная форма цепи: *поскольку Y, то X* (2). Р. и С.В. Сколлоны иллюстрируют эти структурные формулы следующими примерами:

E.g. (1) I suggest that we delay making our decision until after Legco makes its decision. That's because I think a certain amount of caution in committing to TV advertisement is necessary because of the expense. In addition to that, most of our production is done in China now, and it's not really certain how the government will react in the run-up to 1997.

(2) Because most of our production is done in China now, and uh, it's not really certain how the government will react in the run-up to 1997, and since I think a certain amount of caution in committing to TV advertisement is necessary because of the expense. So, I suggest that we delay making our decision until after Legco makes its decision [94:1-2].

Таким образом, участники коммуникации изначально имеют определенные ожидания в отношении тема-рематической организации дискурса. Несовпадение этих ожиданий отрицательно сказывается на ходе и результатах общения. Так, в фокусе внимания североамериканца окажется начальная стадия дискурса, внимание представителя восточной культуры будет сосредоточено на его завершающей фазе.

Эстетический компонент будучи межсистемным предполагает умелое пользование выразительными средствами языка, что выражается в адекватном употреблении фигур речи, в частотности их употребления, соответствующей норме, в приоритете тех или иных фигур речи и правильном наполнении сообщения. Так, исследователи отмечают, что носители разных языков и культур характеризуются разным отношением к пословичному фонду. Если представители Востока высоко ценят пословицы как выражение народной мудрости, то такие представители Запада, как носители английского языка, не имеют тенденции пользоваться паремиями в ироническом смысле [98: 39-40].

В результате исследования особенностей речевого поведения представителей различных культур и, соответственно, различных систем дискурса можно делать выводы о тех или иных особенностях общения различных лингвокультурных общностей. Так, И.А. Стернин делает попытку описания доминантных особенностей общения представителей различных лингвокультурных сообществ. Для английской языковой личности в общении важны низкий уровень громкости; немногословие, высокий уровень бытовой вежливости; некатегоричность общения (англичане не любят высказываться определенно, не любят говорить четко «да» и «нет»); антиконфликтная ориентация общения; высокий уровень тематической табуированности общения, жесткая тематическая регламентация общения в большинстве ситуаций; очень высокий уровень фатического общения и значительная доля фатического общения в структуре коммуникации; большая роль письменного общения. К доминирующим чертам американского коммуникативного поведения относятся: общительность, демонстративный демократизм и доброжелательность, жизнерадостность, контактность, шумность, деловитость ведения беседы, правдивость в общении, терпимость, стремление к достижению компромисса, нелюбознательность, малоинформированность, тематическая ограниченность общения, большая роль устного общения в достижении договоренностей, любовь к демонстрации своих успехов, большая роль юмора в общении и др.

В коммуникативном поведении, характерном для русской языковой личности, И.А. Стернин выделяет общительность, нелюбовь к формальному, этикетному общению; табуированность коммуникативного выделения личности в общественных местах; несдержанность в проявлении эмоций; отсутствие традиции внешнего поддержания хорошего расположения духа; приоритет диффузного общения перед деловым общением; допустимость обсуждения сугубо личных проблем человека в группе общения; «коллективность» общения, стремление включить в общение всех присутствующих и включиться в уже идущее общение; оценочность, любовь к

высказыванию оценок людей и событий в процессе общения; тематическое разнообразие, наличие разных тем для общения, набор которых весьма широк и дает возможность обсуждать практически любые темы; доминантность в разговоре, стремление говорящего завладеть вниманием, поговорить о себе, высказать свое мнение по обсуждаемому вопросу; бескомпромиссность в споре; бытовая неулыбчивость: не принято улыбаться незнакомым, «просто так» [62:104-105].

Итак, нормы речевого поведения являются реализацией ценностей, образующих ядро национальной культуры [79: 108]. В рамках данной работы особый интерес вызывают языковые проявления речевого поведения, коррелирующее с его доминантными особенностями, предопределяемыми структурой дискурса. Представляется, что для решения этой задачи изучению должны быть подвергнуты различные коммуникативные ситуации. Внимание к языковому ракурсу лингвокультурологического анализа вполне согласуется с результатами исследований, показавших, что «именно проблемы языка лежат в основе многих, если не большинства недоразумений в области международных деловых отношений» [20: 68]. Соответственно, анализ вербального блока может способствовать идентификации и локализации культурологической компоненты, отвечающей за часто возникающее недопонимание в процессе общения.

2.1. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО БЛОКА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Лексико-грамматический компонент предполагает оперирование нормами и вариантами единиц лексики и грамматики в зависимости от ситуаций общения. При этом, будучи рассматриваемым в рамках лингвокультурологического уровня лексико-грамматический компонент предполагает приоритизацию прагматическо-экстралингвистического ракурса исследования. Как известно, «прагматика выступает ... как раздел лингвистики, изучающий значения и употребления форм языка в зависимости

от ситуации общения, от типов речевых актов» [11: 566]. Соответственно, прагматический аспект обуславливает рассмотрение единиц лексики и грамматики с точки зрения обслуживания ими речевого акта, реализации той или иной цели коммуникации, оказания определенного воздействия на слушателя.

Культурность в прагматико-экстралингвистическом ключе применительно к лексико-грамматическому компоненту предполагает грамотное владение прагматическим арсеналом языка: строением речевого акта и использованием лексико-грамматических средств с точки зрения достижения поставленной цели. В связи со всем вышесказанным представляется возможным выделить различные направления прагматического исследования, которые способствуют манифестации культурологической компоненты. Интерес для лингвокультуролога в этом плане может вызывать строение речевого акта, его лексико-грамматическая реализация, иллокутивная семантика высказывания и составляющих его лексических и грамматических единиц. Среди речевых актов особое место занимают рече-этикетные формулы и ситуации вежливого общения. Речевой этикет привлекает внимание лингвистов, работающих в сфере прагматики, постольку, «поскольку прагматику интересуют конвенциональные речевые акты (то есть реализуемые социальными правилами или конвенциями обычаев и процедур, а это одна из главных черт речевого этикета), а также в связи с тем, что этикетные выражения включают в себя понятие реакции (психологические состояния)» [72: 19]. В отдельный блок выделяются стереотипные высказывания также входящие в лексико-грамматический компонент речевого поведения.

Лингвокультурологический ракурс данной работы требует выявления действия культурологической компоненты в том числе и на материале лексико-грамматического блока речевого поведения. Лексико-грамматический блок речевого поведения испытывает заметное и значительное влияние национально-культурных факторов. Это проявляется в наличии специфических признаков, которые обусловлены системой дискурса данной национально-

культурной общности. Система дискурса складывается под воздействием культуры в широком смысле, что было рассмотрено выше.

Ниже в качестве продолжения нашего тезиса приводится анализ ситуации выражения несогласия, решенный в лингвокультурологическом ключе, а также, рассматриваются вопросы, связанные с рече-этикетной проблематикой.

2.2. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕСОГЛАСИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Интерес к языковой личности, понимаемой как сочетание параметров социального, историко-этнического и ментального планов [30: 116], с неизбежностью подводит лингвистов к необходимости описания конкретных языковых особенностей этой личности. Последнее, соответственно, представляет собой практический анализ конкретного языкового материала, исследование которого способствует выявлению национального колорита, национальной специфики как результата длительного исторического развития, связанного с передачей опыта от поколения к поколению в рамках данной культурно-языковой общности. Объектом анализа могут выступить принятые в данном лингвокультурном сообществе языковые средства выражения речевого акта той или иной прагматической направленности. В качестве системообразующей характеристики выступает иллокутивная сила высказывания: несогласие / согласие, отрицание, возмущение, восторг и т.п. В настоящем исследовании предпринята попытка культурологического анализа некоторых проявлений речевого поведения в ситуации выражения несогласия.

Интроспективный анализ, теоретической предпосылкой которого является признание существования имманентных национально-культурных особенностей, могущих быть выявленными без сравнения с другими языковыми кодами [22: 47], позволяет сделать следующие выводы. Ситуация несогласия предполагает наличие или выражение мнения, отличного от мнения другого лица или лиц. Соответственно, несогласие - это тот тип отрицания, который предполагает не столько утверждение какого-либо факта, сколько

выражение чьего-либо суждения или мнения [26], [90:222]. Соответственно, ситуация несогласия порождает следующие мотивы говорения: (а) говорящий не согласен с высказанным мнением, суждением, предположением; (б) он хочет выразить свое мнение и (в) он полагает, что собеседник выслушает его. Семантически несогласие предполагает несогласие с высказанным мнением, предложением или констатацией (факта, предпочтений, жалоб и т.п.). Необходимо отметить, что английский язык характеризуется специальным набором языковых формул, служащих выражению несогласия: прямого назначения (*It isn't/doesn't/can % etc.; I don't agree (with you) (there); I disagree (with you) (there); You are mistaken; Nothing of the kind; Nonsense; Rubbish; Ridiculous* [22: 76-79] и опосредованного действия (*I don't know; I wouldn't say that; Do you really think so?* [22: 79.]) В соответствии с принятым поведенческим кодом носители английского языка предпочитают опосредованные средства выражения несогласия [62: 104].

Прямое выражение несогласия считается проявлением резкого тона.

Подтверждением этому является наличие в тексте индикаторов повышенной эмоциональности отрицательного свойства. Так, в нижеследующем тексте резко отрицательное *nonsense* поддержано глаголом *snapped*, связывающим отношение к сообщению (прямое несогласие) и характер вербализации данного отношения.

E.g. «*Niccolo has the most brilliant mind of anyone at present in the service of the*

Signory», *he said now. «Nonsense*», *snapped Monna Francesco* [115: 9].

Единственным исключением в данном случае является профессиональный разговор или официальное интервью, где ценится точность и высказывание по сути дела. В этом случае используются средства, принадлежащие соответствующему регистру речи. Объективность и прямота, высоко котирующиеся в официальной обстановке, уступают место толерантности в ситуации повседневного общения. В последнем случае

собеседники избегают средств выражения несогласия прямого назначения с тем, чтобы не обидеть другого человека или не оскорбить его чувств. Кроме того, для этой цели используются языковые средства, смягчающие несогласие. К ним относятся вводные слова и словосочетания (*I am afraid...; Personally...; Well...; As a matter of fact..., etc.*), использование вопросительных предложений, условного наклонения, распространенных предложений в отличие от нераспространенных, характеризующихся резкостью тона вследствие своей краткости.

E.g.»*What a wonderful surprise! Aren 'tyou a sweetie to call? «*

«I'm afraid we have some terrible problems here, and I had to call» [104:132]

John: And then this crazy time began.

Mollie: Why do you say it's crazy? It's perfectly ordinary [102:78]. John: You did help him. For half your lifetime you helped him. Mollie: If I had truly helped him, he would be alive today [102:137].

Важным для носителя английского языка является соблюдение принципа вежливости при выражении несогласия. Таким образом удастся избежать спорных и конфликтных ситуаций. Смягчению выражения несогласия служит и то, что несогласие может прятаться за маской речевых актов другой прагматической направленности: (а) выражение невероятности происходящего (*That can't be true / I don't believe it*), (b) отрицания утверждаемого факта (*No /Not*), (c) половинчатого согласия (*Yes, I agree to a point / Yes, perhaps you are right*) и даже (d) согласия, скрывающего в своих недрах несогласие с высказыванием собеседника, что обнаруживается за счет использования противительных союзов:

E.g. (a) «*Of course it is possible one of the servants may be concerned, eh?*»
Colonel Bantry shook his head. «I don't believe it. They are all a most respectable lot. We had 'em for years» [102:22].

«I suppose we ought to consider the dancing fellow, Raymond Starr. After all he saw a lot of the girl». «Can't believe he took much interest in her — or else he's a thundering good actor. And he's got an alibi too. I don't see we can make a case against him « [93: 91].

(b) «*I'm afraid you know you're rather an idealist*». «*I?*» *He laughed*. «*Not me. I'm a hard boiled cynic*» [107: 107-108].

Paris: The burglar was my father — in a burglar 'sface.

Mollie: Silly-billy! You see how silly the whole thing is. There is no burglar in the house and it's past two o 'clock [102: 73].

(c) «*/ didn 't need to learn the tenses of Greek verbs to know that*», *said Pierro*. «*Perhaps not, but it is reassuring to have good authority for following one's natural inclinations*» [115:18-19].

Mollie: Once my daddy told me not to go to the Delight drugstore and not to eat ice cream. And I chanced to see the old lady and she looked into my eyes. And against my will I was drawn into the Delight Drugstore and I ate ice cream. Against my daddy's wishes and against my will. John: But maybe you wanted to eat ice cream [102: 80].

(d) */ am grateful to you for the offer but my area of concern is not in vague hypothesis and, to be frank, I need to know why I am being offered this post and what the actual nature of your intention is* [118:77].

«*My dominions border upon yours along an extended frontier. I am bound to take every means in my power to safeguard them. I know only too well that your city is ill-disposed to me. You have tried to embroil me with the Pope and the King of France. You couldn't have treated me worse if I were a murderer. Now you must choose whether you will have me as a friend or as an enemy.*» <...> «*I can assure Your Excellency that there is nothing my government wants more that your friendship*» «*he answered blandly, but they have not forgotten that you allowed Vitellozzo to invade our territories and they are doubtful of its value*» [115:23].

Констатация невероятности утверждаемого и его отрицание позволяют говорящему сместить акцент с персоналии собеседника на обсуждаемое событие (примеры *a,b*) и тем самым избежать прямого выражения неправоты партнера по коммуникации. В случаях половинчатого и кажущегося согласия (примеры *end*) имеет место выражение «возражения под маской согласия» [7]. Смягчение тона высказывания осуществляется за счет утверждений общего характера, принимающих форму благодарности, заверений в дружбе, преданности, благих намерениях, достоинстве собеседника и т.п. (см. оба

примера *d*). «Общение в психологическом смысле всегда есть процесс решения коммуникативной задачи» [35: 169], и способ решения коммуникативной задачи, то есть стратегия, тактика и привлекаемые средства, может быть детерминирован принадлежностью к данному лингво-культурному сообществу, что было наглядно проиллюстрировано в рамках анализа, произведенного выше.

Таким образом, речевая деятельность, которая складывается из речевых актов, а последние «связаны с личностью говорящего и личностью слушающего, но одновременно и с тем, что имеется общего у членов данного речевого коллектива» [38: 10], наряду с индивидуальными особенностями несет в себе некие общие характеристики, свойственные той или иной речевой общности. Поскольку речевая общность формируется членами лингво-культурного сообщества, речь каждого из них в той или иной мере будет содержать национально-специфические явления и представлять собой материал для лингвокультурологического исследования.

2.3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕЧЕ-ЭТИКЕТНОГО БЛОКА

Формы дискурса закрепляются посредством формата, заданного этикетным общением. При этом под этикетом понимается «совокупность специальных приемов и черт поведения, с помощью которых происходит выявление, поддержание и обыгрывание коммуникативных статусов партнеров по общению» [5: 5]. Таким образом, этикет выполняет роль «механизма балансировки общения» [5: 7] посредством рече-этикетных формул. Именно рече-этикетные формулы служат передаче национальной специфики коммуникации, поскольку речевой этикет отражает понятия должного, требуемого, ожидаемого, одобряемого, коррелирует с культурно-историческими процессами, происходящими в обществе [72: 10]. Изучение рече-этикетного общения восполняет картину национальной специфики языковых единиц, культурологически маркированных в силу национальной

детерминированности самого этикетного общения. Это обстоятельство объясняется тем фактом, что в рече-этикетном общении «роль языка сводится к тому, что он выступает средством знакового хранения стандартов поведения, учитываемых при планировании будущих действий» [61: 8].

Исследования речевого этикета ведется посредством выделения ситуаций речевого этикета и обслуживающих их рече-этикетных формул. При этом «под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально-специфических стереотипных устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [75: 9]. Этикетное общение строится на основе учета межличностных отношений, которые в свою очередь регулируются принципами вежливости, что необходимо для приобретения ими статуса этикетных. Речевой этикет осуществляет прежде всего функцию вежливости. Этикетные правила речевого поведения диктуют говорящему, что он должен проявлять внимание к окружающим, отдавая предпочтение собеседнику, блюсти его авторитет и статус, доверять его словам, преодолевать свое «Я» как точку отсчета в построении высказывания, экономить время адресата и переходить к сути дела в подобающий момент разговора [65].

Роль речевого этикета наиболее ярко выступает в ситуациях общения, которые поддаются стереотипизации. Стереотипизация осуществляется на основе вычленения тематически шаблонных ситуаций, подкрепленного функциональным анализом прагматико-коммуникативных координат: координата говорящего «я», «координата слушающего — «ты», координата места — «здесь», координата времени - «сейчас», и компонентов: «высказывание» и «цель» [72: 10]. По тематическому критерию в русистике был выделен ряд стереотипных ситуаций: «Обращение и привлечение внимания», «Приветствие», «Знакомство», «Прощание», «Извинение», «Благодарность», «Поздравление», «Пожелание,

«Приглашение», «Предложение», «Просьба», «Совет», «Предостережение», «Одобрение», «Комплимент», «Разговор по телефону», «Соболезнование», «Сочувствие» и т. п. [74]. Эти так называемые социальные [56: 403] ситуации обслуживаются устойчивыми высказываниями, которые получают статус формул речевого этикета. Исходя из того, что речевой этикет предполагает реализацию принципа вежливости и имеет две стороны: набор стереотипных ситуаций и набор обслуживающих их формул, можно предположить, что национальная специфика речевого этикета проявляется в особенностях реализации принципов вежливости: в перечне ситуаций, стереотипизированных и конвенционализированных данным лингвокультурным сообществом, и в наборе их обслуживающих языковых формул. Культурологическая компонента локализуется, во-первых, в максимах вежливости. Так, для англоязычного общения необходимо следование устоявшимся и теоретически освещенным принципам речевого общения, или коммуникативным импликатурам, Грайса (принципы кооперации и вежливости, что предполагает максимы такта, одобрения, скромности, согласия, симпатии) [15: 176-184]. Так, обобщая свои наблюдения над речевым этикетом англичан, В. Овчинников отмечал, что «английская вежливость предписывает сдержанность в суждениях как знак уважения к собеседнику, который вправе придерживаться иного мнения. Отсюда склонность избегать категоричных утверждений или отрицаний..., тяга к вставным оборотам вроде «мне кажется», «я думаю», «возможно, я не прав, но...», предназначенным выхолостить определенность и прямолинейность, способную привести к столкновению мнений». Таким образом, при определенной универсальности принципов вежливости в своей конкретике они испытывают ощутимое влияние культуры лингвосоциума. Во-вторых, культурологическая детерминированность речевого этикета обусловлена социальным регулированием различных ситуаций повседневного общения. Это находит свое выражение в стереотипизации различных ситуаций и, в конечном итоге, проявляется в варьировании набора ситуаций повседневного общения, получивших этикетное регулирование. Так,

в русском языке отсутствует ситуация «Благодарность за приятно проведенное время в гостях», то, что в английском языке обиходно именуется «*bread-and-butter letter*». Национальная детерминированность и культурологическая маркированность демонстрирует и набор формул речевого этикета. Различие в формулах свидетельствует о приоритизации различных моментов рече-этикетной ситуации и, соответственно, о различии в самой структуре ситуации. Так, для английской языковой личности в ситуации ежедневного общения малохарактерна детальная беседа о состоянии здоровья. При поступлении конкретного вопроса о состоянии здоровья в английском языке обычные формулировки ответа включают: *(I'm) very /fairly / quite well, thank you; Fine, thanks; not too / so bad (thank you / thanks); All right, thank you / thanks; OK, thanks*. Обращает на себя внимание, к примеру, малая представленность ответов отрицательного свойства на вопрос о состоянии здоровья. И даже если ответ отрицателен, в предложении используются вводные слова или конструкции, смягчающие негативный характер ответа (*unfortunately, I'm afraid*). Этой же цели служат и интенсификаторы (*very, too, rather*): *Not too / very well, I'm afraid; I'm afraid I'm not feeling very / too well today; I'm afraid I've got rather a bad cold*. Возможным вариантом может стать указание на конкретную сферу проявления отрицательного свойства на общем положительном фоне: *A bit tired, otherwise all right* [26: 15-16]. Жалоба на плохое самочувствие смягчается извиняющимся тоном говорящего. Все это вполне соответствует тенденции-правилу, действующему в общении англичан: они не склонны жаловаться [51: 136]. Уважение к собеседнику у англичан выражается в том, чтобы держать себя в узде и не делать проблем для собеседника из своих собственных неурядиц. Для русской языковой личности уважение к собеседнику (полуформальная ситуация) проявляется в доверительных отношениях, которые позволяют поделиться «личным». Более того, в русском языке существуют конкретные вопросы: «*Как здоровье?*» и это составляет отдельную тему для разговора, что, например, представлено в комплексном описании ситуаций

повседневного общения в [76: 97]. В английском языке запрос о состоянии здоровья включен в канву ситуации «Приветствие».

В-третьих, культурологическая маркированность проявляется и в словесной реализации формул речевого общения. Так, в англоязычных странах общераспространенным приветствием являются вопросы-осведомления: *Hello. How are you?, How are doing?, How are things?, What's up?* Вопросительная форма данных высказываний может ошибочно натолкнуть незнакомого с данными формулировками речевого этикета слушателя на выдачу ответа по существу вопроса. А это отнюдь не предполагается задающим. Именно вопросительная форма данных формул лежит в основании бытующего мнения о формальности в общении американцев, так как они не ожидают ответа на якобы заданный вопрос. В действительности, это высказывание лишь оформлено в виде вопроса, отнюдь таковым не являясь, а имеет статус этикетного высказывания, довольно строго регламентирующего характер ответа.

Этикетный аспект рассмотрения языковых единиц может проводиться и в плане изучения вербальных реакций говорящих на разные ситуации. В связи с тем, что поведение человека в быту испытывает заметное влияние культурных установок общества, культурологическая маркированность вербальных реакций не подлежит сомнению.

В.Г. Гак классифицирует реакции говорящего в соответствии со следующими явлениями действительности:

1) формулы этикета (приветствия, формулы вежливости и др.): *здравствуйте, спасибо;*

2) реакции на неожиданные звуки, например, на чихание: *будьте здоровы;*

3) реакции на появление чего-либо или кого-либо, на возникновение чего-либо, на повторение явления: *только этого не хватало; здравствуйте, я ваша тетья; опять двадцать пять;*

4) реакции на определенную ситуацию: *порядок! Прости — прощай! Ты не прозрачный;*

5) реакции на слова, в том числе на вопросы, на мнение собеседника или другого лица: *С чего вы взяли? Спрашиваешь! А ты думал! Обойдешься! Расскажи своей бабушке!*

6) оценка слов и действий другого человека: *ты что, с ума сошел! Как не стыдно!*

7) выражение побуждения, что само по себе также является выражением реакции на ситуацию или поведение других людей: *давай - давай!*

8) языковые игры и шутки, которыми нередко уснащается речь [10: 48].

Все эти ситуации, провоцирующие реакцию говорящего, требуют использования клишированных формул. Источники этих оборотов речи могут варьироваться и включают широкий диапазон вербализованных систем: (1) язык СМИ; (2) изустные рассказы, притчи, басни, вошедшие в культурное достояние народа и связанные с его историческим прошлым или с культурным наследием; (3) язык рекламы; (4) фиксированные ситуации общения, коммуникативно маркированные как ситуативно-коммуникативные формулы (приветствие, просьба); (5) язык официальных распоряжений и объявлений; (6) язык публичного общения; (7) сакральные тексты; (8) заимствования из других языков: *OK, Wow, се ля ви, элементарно, Ватсон* [10: 49-55].

Национально-культурная специфика реакций состоит в необозначенности той или иной ситуации клишированной формулой, различным прагматическим эффектом и целями использования клишированных формул, относящихся к одной и той же ситуации употребления, разнообразием источников данных оборотов. Так, общеизвестно, что английский язык не располагает пожеланием хорошего аппетита, а заимствует таковое из французского языка. Не имеется в английском языке стабильной фразы, соответствующей русскому: *Как спалось?*

Таким образом, культурологическая компонента эксплицируется в выборе рече-этикетных или стереотипных формул, в их наполнении, в адекватности прагматического эффекта ситуации общения.

2.4. КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАГМЕНТОВ ОБЩЕНИЯ

Порядок следования фрагментов коммуникации испытывает заметное влияние культурологических факторов. Это связано с культурной обусловленностью аранжирования смысловых частей дискурса. Лингвокультурологи отмечают, что тема-рематическая структура коммуникации обуславливает различную композицию смысловых частей фрагментов коммуникации: говорящие могут сначала обрисовать общий контекст будущего высказывания и только после этого перейти к главной части или подчинить структуру дискурса обратной логике [85]. Так, в результате лингвистического анализа было установлено, что коммуниканты-представители западных культур в большинстве своем сначала заявляют об основной, главной части высказывания, а затем уже дают обоснование причины, объясняя общий контекст происходящего. Так, американец скорее всего следующим образом изложит свою мысль, расположив причину вслед за предполагаемым действием: *E.g. We could announce price-cuts on 100 items for the next three months — we'd run a big press campaign and an in-store sales promotion, try to get lots of publicity [предполагаемое действие]. This way we 'd really cut the ground out from our competitors with their selective weekly price cuts [причина].*

Для представителей восточной культуры это заявление может прозвучать резко или может послужить смещению предполагаемого действия и причин его осуществления. Языковая личность, детерминированная культурными установками осуществления коммуникации, принятыми в восточных культурах, скорее всего построит свое сообщение в противоположном ключе, что связано с выбором иной тактики речи: *e.g. Our*

competitors are launching a campaign of weekly price cuts. This could have very serious consequences for our sales and market share [причина]. We could look at announcing price cuts on 100 items for the next three months [предполагаемое действие].

Соответственно, слушатель-американец, не привычный к такому следованию фрагментов коммуникации, будет проявлять нетерпеливость и, вполне возможно, окажется невнимательным, когда говорящий дойдет до основной части своего высказывания [85]. Таким образом, функционирование культурологической компоненты, обусловленной закрепившимися в данном этносоциуме стратегиями и тактиками речи, оказывает влияние на структурирование высказывания. Как явствует из рассуждений, изложенных выше, конструктивные особенности фрагментов общения культурологически маркированы и содержат в себе культурологическую компоненту.

2.5. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПАРАЛИНГВИСТИКИ

Значимость паралингвистических средств в процессе коммуникации не вызывает сомнения. В этом плане весьма показательным и примечательным определением паралингвистики Г.В. Колшанским. Он подчеркивает, что “паралингвистика не есть привесок или остаток, вычитаемый из языковой системы, а основной функциональный компонент параязыковой системы, то есть та коммуникативная подсистема, которая дополняет функцию вербальной коммуникативной системы” [31: 215]. Вслед за С. Нимейер, к паралингвистическим относим такие средства, как проксемика, телодвижения, жесты, мимика, включая выражение глаз, и фонационные средства [91: 287] (ср. также [42: 267-270]).

Мысль о национальной специфике кинетического кода прослеживается в целом ряде работ ([72:20-21]; [91]; [100]). Паралингвистический аспект лингвокультурологического исследования требует серьезного и кропотливого анализа не только художественных и других вербализованных источников, но,

прежде всего, реального поведения носителя языка. Это предполагает изменение как методологической базы, так и объекта исследования, что требует перехода от анализа языковых единиц к анализу процесса коммуникации как таковой. В связи с этим необходимо отметить, что паралингвистические средства не будучи интегрированы в систему языка, не имеют статуса речевых единиц [128: 367]. Соответственно, полномасштабное изучение их культурологической маркированности и национальной детерминированности не может быть проведено в рамках данной работы в силу того, что объектом ее исследования являются языковые единицы.. Данные соображения служат основанием лишь для освещения основных тенденций в изучении в лингвокультурологическом ракурсе проявлений кинесического кода. Паралингвистический аспект (кинесика и проксемика) добавляет новые детали в описании вариативности форм человеческого поведения, психологии, мышления, обусловленных разнообразием культур. «Национальные «словари» жестов могут существенно различаться как по объему, так и по конкретному наполнению. Варьируется и их соотношение с другими средствами коммуникации, и прежде всего с языком» [5: 24]. Кроме того, варьированию в зависимости от культурных норм подвержены и механизмы запуска различных паралингвистических средств. Обязательность интегрированности паралингвистических средств в процессе коммуникации обуславливает их определяющее отношение к коммуникативной норме, так как норма манифестируется не только языковыми (вербальными) элементами, но и компонентами неязыковыми (невербальными). Паралингвистика является отдельным объектом лингвокультурологического анализа и в этом плане служит еще одним доказательством и свидетельством большого потенциала исследований, направленных на предмет выявления национальной специфики.

2.6. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ БАЗЫ

Важность рассмотрения мотивационной базы в рамках лингвокультурологического исследования объясняется тем, что мотив выступает одним из пусковых механизмов речевой деятельности. Принимая во внимание тот факт, что цель и мотив являются двумя основополагающими факторами речевой деятельности [57: 390], необходимо отметить, что цель показывает то, к чему стремится человек, а мотив — почему он к этому стремится [63: 249]. Мотив трактуется как потребность в совершении речевого действия, «стремление вмешаться в данную ситуацию общения» [50: 20].

Соответственно, мотив это то, что объясняет характер данного речевого действия, тогда как коммуникативное намерение выражает то, какую коммуникативную цель преследует говорящий, планируя ту или иную форму воздействия на слушающего. Следовательно, существует связь между мотивом, с одной стороны, и содержанием и формой речевой деятельности, с другой [38: 16].

Мотивационная база принадлежит превербальному этапу коммуникации, который не является объектом рассмотрения данной работы в силу сконцентрированности на следующей фазе порождения речевого высказывания, связанной с языковыми параметрами высказывания. Исходя из этого, представляется возможным лишь очертить рамки исследования мотивационной базы в лингвокультурологическом аспекте дискурса. При достаточно сильно выраженной универсальности мотивов вступления в общение, проведения коммуникации, национальная детерминированность, или культурологическая маркированность, будет проявляться в предпочтительности, частотности тех или иных мотивов, послуживших стимулом к говорению. Отмечается, что для английской языковой личности важностью обладает фатическая функция общения. Согласно ей человек вступает в коммуникацию для поддержания разговора как такового, чтобы прервать молчание, чтобы эксплицитно отметить отсутствие враждебного намерения. Соответственно, лингвокультурологическое исследование может быть сфокусировано на определении доминантных мотивов для вступления и

осуществления коммуникации членами определенного лингво-культурного сообщества.

Кроме того, возможен соотносительный анализ мотивов и правил, регламентирующих общение. Ведь мотивационная база коммуникации складывается под влиянием правил вежливого общения, которые образуют основу некоего стандарта вежливости. Наконец, мотивационная база представляет собой ту базу возможных мотивов, которые в определенных ситуациях срабатывают как пусковые механизмы речевой деятельности. Порождение речи в лингвистическом аспекте начинается с мотива, то есть некоей движущей силы, повода, побудительной причины [130: 277] появления высказывания. В силу своей природы он способствует проспективному формированию высказывания.

Следующее направление лингвокультурологического анализа мотивационной базы может быть связано с культурологическим подходом к речевой деятельности. Определение национальной специфики мотивационной базы вполне согласуется с пониманием национально-культурной специфичности речевой деятельности вообще. Попыткой привнесения культурологического аспекта в рассмотрение речевой деятельности является выделение наряду с индивидуально-психическим культурно-исторического подхода к анализу речевой деятельности. При таком подходе деятельность рассматривается как независимое явление, в систему которой включены индивиды, выступающие в качестве элементов деятельности. Таким образом, деятельность представляется «в виде структуры, объясняющей разнородные и постоянно меняющиеся элементы» [78: 74], при этом индивиды не рассматриваются как свободные, активные деятели. Такой подход акцентирует системный характер речевой деятельности, в определенной мере лишаящей человека говорящего индивидуальности и заставляющей его функционировать в соответствии с регламентом, требованиями системы. Это доказывает, что личностные мотивы есть всего лишь опции или набор опций из совокупности имеющихся. Естественно, что эти совокупности мотивационных

опций, характеризуясь универсальными чертами, имеют и ряд национально-специфичных признаков в силу принадлежности к определенному лингвокультурному сообществу.

Анализ мотивационной базы может носить различный характер. Он может производиться в рамках психологической науки. В этом случае национально-культурный аспект свяжет мотивационную базу с менталитетом нации. Мотивационная база может быть изучена в соответствии с психолингвистическими установками. Тогда исследование будет проводиться на основе экспериментальных данных с целью поиска ассоциативных линий с экстерниризованным высказыванием. В лингвистическом плане, согласуясь с тем, что мотив — это предмет деятельности, то есть речи, возможно проведение исследования языковой перспективы, а также определение круга типичных или стереотипных высказываний для той или иной ситуации.

Все вышесказанное способствует идентификации и определению природы, происхождения культурологической компоненты, которая затем локализуется в вербальных средствах оформления и построения высказывания.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.

Дискурсивное употребление языковых единиц и структур в определённой лингвокультуре представляет собой конитивный выбор определённых ментальных схем построения того или иного типа дискурса. Данные ментальные схемы обуславливают включение определённых фоновых знаний при обработке поступающей информации в процессе коммуникации или интерпретации того или иного текста, рассматриваемого как дискурс. В нашей работе подразумевается национальный тип дискурса, и этнокультурная специфика его организации, выраженная посредством национального поведения, оценок (культурных ценностей), манеры мыслить и говорить, рассмотрена через специфику функционирования и включения в

структуру дискурса культурально-интернализированных когнитивных установок – ментальных структур, фоновых знаний, логоэпистем, прецедентных феноменов (концептов, дискурсных фреймов, текстов, интертекстов, аллюзий, отсылок и т.д.).

Анализ дискурса на предмет выражения национально-языковой специфики, то есть выявления культурологической компоненты, предполагает особый ракурс исследования языковой жизни этносоциума. При этом языковая жизнь понимается как все те социально-культурные факторы, которые связаны непосредственно с использованием языка (языков) в различных сферах деятельности народа (этноса) или полиэтнического коллектива людей (или государства). Специфический характер языковой жизни выражается в культурологических (то есть связанных с культурой) особенностях коммуникативного дискурса или культурологической маркированностью языковых единиц в составе дискурса.

Культурологическая маркированность проявляется посредством действия культурологической компоненты. Культурологическая компонента маркирует языковые единицы, относящиеся к различным ярусам языковой системы. Ее действие наблюдается на уровнях лексики и коммуникативной грамматики текста и дискурса. Действие культурологической компоненты наиболее ярко проявляется в дискурсах, значение которых predetermined укладом жизни данного народа. Культурологическая компонента, базирующаяся в дискурсах такого рода, имеет эксплицитную природу. Однако наряду с эксплицитной формой существования культурологической компоненты существует и имплицитная форма ее проявления. В этом случае национальная детерминированность и культурная маркированность локализуются в других элементах структуры дискурсивного значения. Подтверждением существования культурологической компоненты оказывается структура дискурса, и прагматика коммуникативного значения дискурсом.

Культурологическая маркированность грамматической системы проявляется как в области морфологии, так и синтаксиса, Культурологическая компонента отмечает своим действием функционирование различных грамматических категорий (например: время, вид, определенность, род, множественность и т.п.), которые служат различной концептуализации и обобщению реальности на разных уровнях языковой абстракции.

Тем не менее культурологическая компонента может локализовываться на разных уровнях структурной организации дискурса: (1) в его воплощении посредством единиц языковой системы, (2) в структурной организации, (3) информативности. Она может быть эксплицирована и / или имплицирована. Необходимо отметить, что дискурс располагает большими возможностями по компенсации культурологических лакун, то есть выведению имплицированной культурологической компоненты во внешний план. Культурологическая маркированность дискурса, являющаяся результатом действия всей совокупности культурологических компонент различной природы, обуславливает национальную детерминированность дискурса как высшего яруса языковой системы.

Ярчайшим порождением, проявлением и генератором лингво-культурного симбиоза в национальном типе дискурса является текст. Он «воткан» в национальную культуру многими нитями. Одним из сильнейших факторов, обеспечивающих этот процесс, является «вписанность» в интертекст и далее в интердискурс, составляющий основу языковой культуры лингво-культурного сообщества. Интертекст состоит из прецедентных текстов, или прототекстов, а интердискурс из прецедентных дискурсивных феноменов различного уровня абстракции (ситуаций, жанров, прецедентного дискурсивного времени и пространства и т.д.), которым мы дали детализированное описание в данном разделе нашего исследования.

ГЛАВА III.
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ АНАЛИЗА
ДИСКУРСА КАК КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
АНГЛИЧАН

Коммуникативный дискурс, который в нашем исследовании мы рассматриваем как совокупность стандартных коммуникативных ситуаций, всегда предполагает решение коммуникантами некоторых стандартных, типовых задач, отражением которых и являются сами стандартные коммуникативные ситуации.

При этом ставятся цели двух типов – коммуникативные и предметные (в широком смысле слова). При всей условности их противопоставления, как правило, в большинстве случаев их удается разграничить, так как одна из целей обычно доминирует, и данное разграничение может быть использовано для системного анализа и описания дискурса как коммуникативного поведения в стандартных коммуникативных ситуациях. В данной главе делается попытка рассмотреть и описать коммуникативное поведение англичан, в структуре их дискурсивной деятельности. При этом учитываются вербальные и невербальные (экстралингвистические) дискурсивные аспекты межличностной коммуникации, сопоставляются английское и русское коммуникативное речеповедение в целом.

3.1. УСТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО КОНТАКТА:
ОБРАЩЕНИЕ, ПРИВЕТСТВИЕ, ЗНАКОМСТВО.

Обращение является одной из наиболее употребительных коммуникативных единиц, связанных с речевым этикетом. Оно представляет собой речевое действие, целью которого является привлечение внимания собеседника для вступления в общение.

Выбор форм обращения определяется коммуникативным контекстом, включающим ролевые отношения между партнерами (симметричные либо асимметричные), социально-психологическую дистанцию между ними, обстановку общения и другие факторы. Различаются формы обращения к знакомому и незнакомому адресату; обращение партнеров, равных по возрасту и положению; обращение старших к младшим и наоборот; обращение в официальной и неофициальной обстановке. На выбор форм обращения влияет также тип отношений между собеседниками (они могут быть тесные, дружеские, холодные, натянутые и т.д.).

3.1.1. Обращение к незнакомому адресату

В английской коммуникации при обращении к незнакомому адресату в обиходно-разговорной речи - на улице, в транспорте, магазине, библиотеке, театре и других общественных местах - наиболее распространенной в настоящее время является нулевая форма обращения, то есть обращение без прямого указания адресата. Вместо форм с номинативной основой, как правило, используется формула привлечения внимания *excuse me*: *Excuse me, is there a post office near here? Excuse me, could you tell me the time, please? Excuse me, is that seat free? Excuse me, you have dropped your glove.*

В Великобритании отсутствуют номинативные формулы обращения, подобные русским *девушка, молодой человек, женщина, дама, мужчина*, которые в России имеют широкое употребление. *Девочки, кто еще без билетика, пожалуйста* (кондуктор в автобусе – пассажирам среднего возраста), *Мужчина, передайте за проезд* (в транспорте), *Девушка, скажите, что я за вами* (в магазине).

В отличие от русской коммуникативной культуры, где термины родства типа *сын, дочь, тетя, дядя, бабушка, дедушка* часто употребляются в адрес посторонних, в основном людьми пожилого возраста и детьми: *Дочка, тебе что?* (буфетчица – студентке), *Сынок, не подвинешься?* (пожилая женщина – молодому человеку в автобусе), *Дядя,*

сколько времени? (ребенок на улице – взрослому мужчине), в Великобритании эти термины, как правило, не используются вне семейной сферы коммуникации.

При неформальном общении в Великобритании иногда возможны такие обращения, как *boy, young fella (fellow)* [обращение *young fella (fellow)* в большей степени типично для Ирландии], *mate, luv (love), buddy, stranger*. Первые три формы обычно используются пожилыми людьми при обращении к молодым: *Young man, would you help me with my bags, please* (пожилая женщина на вокзале), *Hey, young fella, could you ever give me a hand with this* (пожилой мужчина – молодому). *Mate* используется только при обращении мужчины к мужчине. Употребляемое вместо имени, оно является способом избегания выражения интимности, что является современной тенденцией: *Good to see you, mate. How're you, mate? Sorry, mate, I'm afraid I must be off now*. Обращение *luv* используется торговцами на рынке в адрес покупателей: *How can I help you, luv? That would be 4 pounds, luv*. Так же могут обратиться к проходящей мимо женщине уличные рабочие (при обращении к мужчине в этой ситуации будет использовано *mate*): *Would you ever have the time there, luv (mate)?*

При неожиданной встрече после долгого отсутствия контакта возможно обращение *stranger: Hello, stranger*. (преподаватель – бывшему студенту) *Well hello, stranger* (преподаватель – студенту, пропустившему много занятий, с иронией).

Номинативные формулы при обращении к лицам некоторых профессий (*waiter, porter, doctor, constable, driver, nurse*) являются в настоящее время устаревшими. Сейчас редко можно услышать такие реплики, как *Waiter! The bill, please / Porter, will you see to my luggage, please / Nurse, I'm thirsty / Driver, could you stop the bus, please*. Нормативными в подобных коммуникативных ситуациях являются нулевые формулы обращений: *Excuse me, could I have the bill, please? / Excuse me, will you see to my luggage, please /*

Excuse me, could I have a glass of water, please / Excuse me, could you stop the bus, please.

При обращении к незнакомому адресату в некоторых случаях могут использоваться формулы *sir* и *madam*, однако они в настоящее время употребляются нечасто. С их помощью устанавливается речевой контакт с собеседником и определяются ролевые позиции партнеров, подчеркивается вышестоящее положение адресата и соответственно нижестоящее положение говорящего. Именно поэтому люди одного возраста и положения никогда не употребляют обращения *sir/madam* по отношению друг к другу. Как отмечает автор известной книги по этикету Эмили Пост, «как бы обворожителен ни был тот или иной джентльмен, ни одна дама одного с ним возраста не назовет его *Sir*, и ни один мужчина не скажет, обращаясь к своей ровеснице, *Madam*» [52: 25].

Сфера употребления данных речевых формул значительно сократилось, особенно в последнее время, что свидетельствует о влиянии на общество процесса демократизации общества.

Если еще недавно исследователи называли пять возможных ситуаций употребления данных обращений (почтительное обращение детей к незнакомым взрослым; обращение школьников и студентов к преподавателям-мужчинам; вежливое обращение продавцов и служащих сферы обслуживания к своим покупателям и клиентам; почтительное обращение молодежи к пожилым людям; официальная форма обращения подчиненного к своему начальнику, а также в адрес людей привилегированного круга) [64: 39-40], то в настоящее время данные формулы употребляются лишь в следующих ситуациях:

При вежливом обращении к клиентам в сфере обслуживания:

Good evening, sir... madam. Can I take your coats? (швейцар - посетителям); *Could I have the bill, please. – Here you are, sir* (официант - клиентам); *Taxi! – Where to, sir?*(таксист - пассажиру); *Can you show me some*

cameras, please? – Certainly, madam (продавец -покупательнице); *It's nothing serious, sir. You have run out of petrol* (механик автосервиса – клиенту).

При обращении ведущего ток-шоу к публике в студии:

The gentleman in the orange shirt. – Me?-Yes, you, sir, in the orange shirt.

В письмах при обращении к незнакомому адресату:

Dear Sirs, Dear Sir/Madam.

В последнее время в тех местах, где представляется документ с именем и фамилией - в банках, на почте, в страховых компаниях и т.д. - служащие обращаются к клиентам либо по имени, либо по формуле *Mr / Mrs + фамилия*. Отметим, что данная тенденция не вызывает одобрения адресатов - обращение по имени представляется в данной ситуации слишком фамильярным, поскольку коммуниканты являются незнакомыми людьми, обращение же *Mr / Mrs + фамилия* – старомодным. Нулевая формула обращения в данных коммуникативных ситуациях представляется наиболее приемлемой, так как является демонстрацией соблюдения дистанции, в то время как обращение по имени – знак неуместной в данных ситуациях интимности.

Для английского коммуникативного дискурса не характерны номинативные апеллятивы при обращении к группе адресатов, подобные русским лексическим формулам, образованным от наименования лиц, объединенных какой-либо ситуацией: *граждане пассажиры, уважаемые родители, дорогие друзья, дорогие телезрители, уважаемые радиослушатели (покупатели, читатели, избиратели, соотечественники, москвичи, россияне и т.д.)*. Подобные формы обращения в английском речевом этикете практически отсутствуют.

В ситуации обращения к пассажирам по радио (в самолете, в аэропорту, на вокзале), а также к зрителям в театре употребляется форма *Ladies and gentlemen: Good afternoon, ladies and gentlemen. Captain Perez and his crew welcome you aboard Iberia flight IF 341 to Madrid* (объявление на борту самолета). *Ladies and gentlemen, please ensure, that your mobile phones*

are switched off during the performance (объявление в театре перед началом спектакля).

В большинстве ситуаций в Великобритании прямое обращение не употребляется, адресат называется косвенно, либо не называется вообще, в то время как для русской коммуникативной традиции в аналогичных ситуациях характерно употребление прямого обращения:

We are now beginning our descent. Would passengers please make sure that their seat-belts are fastened. Ср.: Уважаемые пассажиры! Наш самолет пошел на посадку. Просим застегнуть привязные ремни.

Номинативные формулы обращений допускаются в английской коммуникации при неформальном общении, обычно в адрес знакомых лиц: *Hi lads / guys / folks* (учитель – ученикам, преподаватель – студентам, гость – другим гостям / хозяевам). Интересно, что, как и в США, такие обращения могут быть адресованы к группе, состоящей только из представительниц женского пола: *Hi, guys / lads* (учитель приветствует учениц в школе для девочек).

3.1.2. Обращение к знакомому адресату.

Обращение к знакомым может осуществляться в строго официальных рамках или принимать менее официальный характер. Это зависит от сложившихся между участниками коммуникации отношений, их служебного положения, возраста, ситуации общения. В зависимости от этого употребляются разные формы обращения: неименная и именная, в последней различаются обращение по фамилии и обращение по имени.

Неименная формула обращения *sir/madam*, как уже отмечалось, в настоящее время практически не употребляется. При общении знакомых лиц она в основном ограничивается обращением школьников к учителю-мужчине: *Sir, may I go to the computer class to take my books? May I ask you a question, sir?*

Также возможно обращение *Mr+фамилия*. При обращении к учительнице употребляются *Miss* или *Mrs+фамилия*, что зависит от традиции школы.

В университетской среде данные обращения не употребляются. Студенты обращаются к преподавателям либо по имени (*Elaine, David, John*) либо по званию (*Doctor Brown, Professor Little*). Инициатива в выборе обращения принадлежит преподавателю, который при знакомстве со студентами уточняет, какую формулу обращения в свой адрес он предпочитает или допускает: *My name is Dr. Sarah Smyth. You may call me either Sarah or Dr. Smyth*. Таким образом, дается разрешение обращаться к преподавателю по имени.

При обращении к личному врачу, медсестре в первом случае употребляется нулевая формула, во втором возможно обращение по имени.

При официальном общении основной формой является обращение по фамилии, которое в основном употребляется в сочетании с уважительным компонентом *Mr, Miss, Mrs*: *Mr Kent, Miss Thompson, Mrs Chandler*. Форма *Ms*, не указывающая на семейное положение женщины, рекомендованная ООН в 1974 г., является относительно новой и достаточно широкого распространения еще не получила. Однако в письменной речи (в деловой переписке) формула *Ms+фамилия* является нормой.

Обращение только по фамилии возможно всего в нескольких случаях: при обращении учителя к ученику (очень редко, обычно в платных школах-интернатах), учителя к учителю (там же), офицера к солдату (хотя чаще употребляется обращение по чину).

Начальник, обращаясь к своему рабочему или служащему, употребляет формулу *Mr + фамилия* или имя. Выбор может зависеть от квалификации. Так, к квалифицированному рабочему чаще обращаются *Mr+фамилия*, к рабочему низкой квалификации – по имени. К рабочему, выполняющему в доме какие-либо ремонтные работы, обращаются по формуле *Mr+фамилия*. При более близком контакте, например в ходе разговора с ним, можно

перейти на обращение по имени. Важную роль играет также то, как он сам себя представил при встрече.

При непринужденном общении, обращаясь к людям, как правило, старшим по возрасту и положению англичане используют формулу *Mr/Mrs/Ms + фамилия*. Такая формула является широко распространенной в кругу людей среднего и пожилого возраста даже при условии тесного знакомства и долголетней дружбы (например, при общении соседей). Данная форма обращения возможна также при общении людей одного возраста или положения и даже при обращении старших к младшим при наличии большой социально-психологической дистанции между ними либо при желании специально подчеркнуть дистантность отношений.

Обращение *Mr/Mrs + фамилии* возможно даже в кругу семьи. Например, при обращении зятя/невестки к родителям жены/мужа (если сложившиеся отношения не позволяют употребить в качестве формы обращения имя).

При менее формальных отношениях, т.е. при близкой социально-психологической дистанции, в английском языке, как и в русском, употребляется обращение по имени, что передает дружеский характер взаимоотношений.

Хотя английский речевой этикет не допускает обращения по имени к лицам, занимающим более высокое положение по службе или в обществе, а также к тем, кто оказывает профессиональные услуги - врачи, адвокаты, юристы (не принято также обращение по имени по отношению к клиентам, покупателям, посетителям) [52: 12], данное правило может нарушаться. По отношению к перечисленным лицам возможно обращение только по имени, если последние попросили об этом или если их связывают с собеседником приятельские отношения (там же).

В последнее время данное правило нарушается все чаще. Современные английские формы обращения отличаются, с точки зрения русских коммуникативных норм, крайней неформальностью, что связано с

процессом демократизации общества. Если еще два десятка лет назад собеседники переходили от общепринятых формальных обращений – *Mr, Mrs, Miss* - к обращению по имени только после того, как был достигнут определенный уровень близости, теперь большинство людей переходит к обращению по имени почти сразу же, даже не установив, нравится ли им собеседник [83: 68].

Во многих коммуникативных ситуациях нижестоящие обращаются к вышестоящим по имени: подчиненный – к начальнику, секретарь – к заведующему кафедрой, студенты – к преподавателю.

Ограничения на обращение к собеседнику по имени накладывает возраст как адресата, так и адресанта. Однако большую роль здесь играет не столько возраст, сколько традиция. Коммуниканты используют те формы обращения, которые они привыкли употреблять. Так, преподаватели университета, относящиеся к старшему поколению (55 лет и старше), обращаясь к уборщице, называют ее по формуле *Mrs+фамилия*, как они это делали 20 лет назад, те, кто младше, обращаются к ней по имени. То же наблюдается, например, при обращении к продавцу овощной лавки, разносчику молока и т.д. Их по традиции называют *Mr Bloggs, Mr. Brown*, в то время как их сыновей, выполняющих ту же работу, но относящихся к другому поколению, называют только по имени, и это обращение уже не изменится.

Обращаясь к соседям, старшим по возрасту, по традиции, как это было принято 20-30 лет назад, используют формулу *Mr / Mrs+фамилия*, при близких отношениях возможно также обращение по имени. При обращении к соседям, чей возраст ниже 50 лет, независимо от степени близости, употребляется только имя.

Во многих ситуациях возможно употребление одного имени, даже несмотря на большую разницу в возрасте собеседников. Так, при наличии разрешения старших по возрасту можно называть их по имени - такое обращение является допустимым и корректным. Оно возможно в следующих

ситуациях: при обращении студентов к преподавателям, при обращении молодых коллег к пожилым, при обращении детей к родителям, к отчиму/мачехе, к бабушке/дедушке, к друзьям родителей, к соседям и т.д.; при обращении племянника/ племянницы к дяде/тете; при обращении зятя/невестки к родителям жены/мужа.

Выбор той или иной формы обращения определяется степенью близости коммуникантов, а также ситуацией общения. Так, обращаясь к священнику, прихожанин может назвать его *Father* (если они не знакомы), *Father John* (если знакомы) и просто *John* (если между ними близкие отношения). Преподаватель, обращаясь к декану, использует форму обращения *Dean*, если общение происходит в официальной обстановке: на заседаниях, в кабинете (даже при разговоре наедине, если разговор носит официальный характер). Можно назвать декана по имени, встречаясь с ним в столовой, в коридоре университета или за его пределами (на остановке, в автобусе, например).

При обращении к детям, друзьям, близким знакомым, родственникам в английском языке, как и в русском, широко употребительными являются уменьшительные формы имени: *Ol (Oliver)*, *Herb (Herbert)*, *Phil (Philip)*, *Sid (Sidney)*, *Bill (William)*, *Fred (Frederick)*, *Ed (Edward)*, *Bert (Albert)*, *Lisa (Elizabeth)* и др.

Если в русском обращении возможно использование всей парадигмы имен применительно к одному и тому же адресату (*Александр, Саша, Сашенька, Сашуня, Саня, Санек, Шура, Шурочка, Шурик* и т.д.), что определяется выбором говорящего, его настроением, отношением к адресату, сложившейся традицией и многими другими факторами, то в английском обращении возможно употребление лишь одного имени из существующей парадигмы.

Так, если вместо полного имени *Edward* при обращении к конкретному адресату используется сокращенное *Ed*, то так называют его все окружающие: члены семьи, друзья, коллеги и т.д. Данное обращение

становится принятой всеми традицией и порой полностью заменяет официальное имя, примером чему являются, например, *Bill Clinton, Tony Blair*.

В анкете, которую заполняют родители при поступлении их ребенка в школу, как правило, указаны три графы: для официального имени, фамилии и общепринятого имени. У учителя в списках учеников, помимо имени и фамилии ученика, в скобках дается его общепринятое имя. Таким образом, такие имена, как *Eddie, Betty, Bessie* являются не ласкательно-уменьшительными вариантами имен *Edward, Albert* и *Elizabeth*, а нейтральными обращениями, выбранными окружающими для наименования адресата и ставшими общепринятой традицией.

Количество ласкательных обращений, выраженных существительными и прилагательными, в английском языке, значительно меньше, чем в русском. Наиболее часто употребляемыми являются *dear, darling, dearest, honey, sweetheart, love (That's for you, my dear)*.

Выражение интимности в обращениях в целом не столь характерно для английской коммуникации, как для русской. С этой целью при обращении к близким друзьям часто употребляются грубые слова (swear words), которые в данной ситуации являются своеобразным знаком интимности. Так, среди образованной интеллигентной молодежи широко распространенными являются следующие приветствия: *Oh, you bastard you. /How are things going, you sonuvabitch.*

Также в качестве обращений можно услышать: *bollocks, shiester, shithead, mother-fucker* и другие слова, относящиеся к сквернословиям, которые в данной коммуникативной ситуации выполняют функцию маркеров близких отношений.

Данный факт, а также, допустимость обращения по имени к лицам, старшим по возрасту и социальному статусу, является свидетельством того, что функциональные сдвиги в английской системе форм обращения происходят по направлению снизу – вверх. То, что относительно недавно

было характерно для низших слоев общества, становится общепринятой нормой.

Обращения в письмах носят официальный характер. Человека всегда называют полным именем (имя + фамилия), перед которым ставится Mr., Mrs., Miss, Ms.. В недавнем прошлом в письмах ко взрослым использовалось обращение «Esq.», к мальчикам – «Master»; сейчас они вышли из употребления.

Если письмо адресовано семейной паре, то после слов «Mr. and Mrs.» следует фамилия супруга: *Mr and Mrs Blair are on vacation in Italy*. Кроме фамилии, может использоваться также и первое имя супруга Mr. and Mrs. John Nickols.

3.1.3. *Приветствие*

Английские формулы приветствия отличаются демократичностью. Такие формулы, как *Good morning / Good afternoon / Good evening* имеют оттенок формальности и в большей степени характерны для официального стиля общения.

Их менее формальными вариантами являются усеченные формулы 'Morning', 'Afternoon', 'Evening', которые употребляются в неформальной обстановке и часто сопровождаются именем адресата: *Morning, Ted / Aternoon, Sam / Evening, Janet*. При обращении к группе знакомых людей (к друзьям, ученикам, студентам, соседям и т.д.) используется приветствие *Morning lads / guys / folks*.

Сфера употребления приветствия 'Hello' в последнее время заметно сузилась. Чаще всего оно употребляется как знак начала общения, то есть за этим приветствием предполагается дальнейший разговор, а также как приветствие по телефону. 'Hi', напротив, приобрело широкую сферу употребления и из фамильярной формулы приветствия, употреблявшейся в основном молодежью, стало нейтральной. Оно уже не может переводиться как эквивалент русского «Привет». При помощи формулы 'Hi' здороваются

коллеги, секретарь может поприветствовать своего начальника, студент – преподавателя, школьник – учителя.

В английской коммуникации существует и такая формула приветствия, как *'Hi-ya'*, которая, очевидно, образовалась в результате слияния двух формул *'Hi'* и *'How're you'*. Она не имеет значения вопроса о состоянии адресата, и ответ на нее не предполагается. Данная формула часто сопровождается именем адресата: *Hi-ya, Tim*.

Приветствие проходящего мимо знакомого может быть сведено к произнесению его имени: *Tom / Ann / Eddie*. Подобное приветствие является наиболее неформальным.

В целом, прослеживается следующая тенденция: чем более кратким является приветствие, тем менее формальным оно становится. Ср.: *Good morning, Tom → Morning, Tom → Tom*.

За формулами приветствия обычно следуют такие формулы фатической коммуникации, как: *'How're you?'*, *'How are you getting on?'*, *'How are you keeping?'*, *'How've you been keeping?'*, *'How's life?'*, *'How're things?'*, *'How's the family?'*, *'What's new?'*, *'Are you well?'*, *'Lovely day, isn't it?'*, *'Nice day'*, *'What weather'* и другие. Данные формулы могут как сопровождать приветствие, так и заменить его, поскольку эксплицитная формула приветствия в данных случаях не является обязательной.

В отличие от русской коммуникации, где приветствие также сопровождается репликами, представляющими собой вопрос о состоянии партнера: *Как дела? /Что нового? /Как жизнь?*, английские формулы являются уже в большей степени конвенциональными и семантически опустошенными.

Одним из самых ярких примеров семантической опустошенности является формула *How're you*, которая утратила свое исходное значение – вопрос о состоянии собеседника - и превратилась в формулу приветствия. Русский эквивалент *Как дела?* также очень часто сопровождает формулы приветствия, однако он в некоторой степени сохранил свое значение и

предполагает ответ собеседника. Предпочтительным является краткий ответ, однако при более близких отношениях данный вопрос зачастую понимается буквально и сопровождается подробной информацией о самочувствии и жизни собеседника, что делает церемонию русского приветствия более длинной по сравнению с английской.

В английской коммуникации ответ на данный вопрос не является обязательным. Часто адресату даже не предоставляется возможности ответить на него. В случае же ответа предполагается, что он будет положительным (*Fine / Well / Great / I'm all right / I'm very well / I'm very well indeed*) независимо от реального состояния собеседника, поскольку «*будь оптимистом*» (*be optimistic*) - одна из основных стратегий английской вежливости.

Однако следует иметь в виду, что степень семантической опустошенности формул приветствия зависит от контекста и отношения между собеседниками. Если говорящий проходит мимо и приветствует адресата формулой '*How're you?*', ответ на нее не предполагается. Если подходит к адресату/адресатам, они обязаны ответить. При близких отношениях ответ не обязательно будет оптимистичным. Например, преподаватель подходит к группе студентов:

-Hi, lads. How're you getting on? How're things?

-Fine, thanks / Could be better.

Также имеет значение форма вопроса-приветствия. Если он имеет полную форму '*How are you?*' (при этом ударение делается на глагол), ответ практически всегда предполагается. Если форма усеченная '*How're you?*', наличие/отсутствие ответа зависит, как было отмечено, от контекста и уровня отношений. На приветствие '*Hi-ya*' ответ не ожидается.

Неоптимистичный ответ (*So-so / Not bad / Could be better / Could be worse*) может последовать при близких отношениях между коммуникантами, при этом он является приглашением к продолжению разговора. В ответ на такую реплику, как правило, следует *Why, what's up? / What's wrong? / What's*

the matter? /What's happened? Оставить неоптимистичный ответ коммуниканта без внимания считается невежливым, так как может быть расценено как отсутствие внимания к нему.

Иногда компонентами приветствия могут выступать комплименты: *Hi, Mary. You look very smart / You look fabulous / Aren't you gorgeous / The dress is perfection on you.*

При неожиданной встрече часто употребляются формулы, выражающие положительное отношение говорящего: *'Good to see you', 'What a nice pleasure', 'What a nice surprise', 'Fancy meeting you here'.*

Приветствие может включать реплики, в которых подчеркивается давность последней встречи: *'Haven't seen you for a long time (for ages)', 'It's been ages', 'It's been a long time', 'It's a long time (since we've seen each other', 'Long time no see'.*

Эмоционально-экспрессивное восклицания, аналогичное русскому *Сколько лет, сколько зим!* в английской коммуникации отсутствует. Однако таким формулам, как *Кого я вижу?/ Какими судьбами?* можно подобрать эквиваленты: *Well, look who it is / Well, look who the wind blew in.*

Приветствие может состоять из одной приветственной формулы (*Hi / Good morning / Morning / Morning, Kate*), а также представлять собой комбинацию нескольких перечисленных выше формул: *'Good morning. How're you?', 'Hi, how're you?', 'Morning, Alice. Nice to see you.', 'Good evening, Paul. Glad to see you. How are things?'*

Наиболее типичные приветственные диалоги (между коллегами, например) выглядят следующим образом: - *'Hi, David.'* - *'Good morning, Kelly.'*; - *'Hi, how're you?'* - *'Fine, thanks and you?'*; - *'Hi, John. Nice to see you.'* - *'Good to see you too. What's up?'*; - *'Morning, Karen. Lovely day. How's life?'* - *'Great and you?'*

- *'Fine.'*

Англичане здороваются чаще, чем русские. Здороваются не только знакомые, но и незнакомые, например, на улице, встретившись с прохожим

взглядом. Это не относится к центральной части крупных городов, но на тихих окраинных улицах даже Лондона или Дублина, прохожие приветствуют друг друга кивком головы и неформальным *Hi* или *Hi-ya*. Стоящий возле своего дома горожанин может обратиться к проходящему мимо незнакомцу со словами *Lovely day, isn't it*. На что тот ответит: *Yeah, beautiful*. Для сельской местности это особенно характерно.

В Дублине везде, включая центр, входящие в автобус пассажиры непременно обмениваются с водителем приветствиями *'Hello' – 'Hi'*. В Лондоне данная традиция уже утрачена.

С приветствия начинают свое общение с клиентами кассиры магазинов, продавцы, служащие банков и т.д. Это не является особенностью сферы обслуживания, связанной с получением прибыли и заинтересованности в посетителях, а скорее общей чертой английской коммуникативной культуры, поскольку то же наблюдается в учреждениях, где услуги предоставляются бесплатно: в библиотеках, музеях и т.д. Приветствие – это знак внимания, свидетельство того, что тебя заметили, что ты значим, а это – одна из основных стратегий английской вежливости.

В Англии принято приветствовать членов семьи, друзей, коллег; можно поприветствовать владельца магазина, если вы давно к нему ходите и знаете в лицо. В последнем случае приветствия чаще можно ожидать от людей старшего возраста. Особых семейных или женских и мужских приветствий не существует. Ограничений на продолжительность и развернутость приветствия нет.

На вечеринке, если вошедший здоровается с группой людей, он приветствует их первым. Приветствие выражается словесно и сопровождается кивком; иногда (крайне редко, обычно при знакомстве) вошедший обменивается рукопожатием с теми, кто стоит (сидит) ближе. Владелец магазина, куда вы зашли, хозяин дома может при приветствии встать. При встрече должностного лица и посетителя первым здоровается должностное лицо, то есть тот, кто оказывает услугу.

В день с коллегами здороваются один раз – утром, по приходе на работу. Затем в течение дня повторный контакт может устанавливаться посредством улыбки или кивка, что может повторяться в день 3-5 раз. При встрече, приветствии допустим физический контакт. Коллеги при встрече могут коснуться предплечья или плеча друг друга.

Здороваться с людьми, выполняющими свои повседневные функции, не принято. Однако это правило касается незнакомых людей. Если же вы часто встречаете этого человека, хотя и не знаете его имени, здороваться можно. Можно – и принято – здороваться со своим врачом. Принято приветствовать экскурсовода и благодарить его в конце экскурсии. С соседями по многоквартирному дому, даже, если вы с ними незнакомы, обычно здороваются.

При приветствии при помощи «Hi!», «Hello!» часто поднимают руку ладонью вперед, так как такое приветствие допустимо на расстоянии. Если говорят «Good morning!», то никаких жестов быть не может, потому что на расстоянии с такой фразой не обращаются.

Как правило, приветствие сопровождается улыбкой и приветливым выражением лица.

3.1.4. Знакомство

При знакомстве в английском речевом этикете большую роль, играет процедура представления: вас должен кто-то представить новому знакомому, познакомить вас. В прошлые времена у англичан было не принято разговаривать с людьми, отвечать на вопросы тех, кто не был им представлен. Ср. известный анекдот: на необитаемом острове нашли трех англичан, каждый из которых провел там по 20 лет и выстроил себе дом в отдельном месте острова, но эти англичане друг с другом не разговаривали. На вопрос спасителей: - А почему вы не разговариваете друг с другом? - все трое ответили: «Но ведь нас никто друг другу не представил!» В современной Англии постепенно обязательность представления людей друг другу ослабевает, но важность ритуала представления при знакомстве все

еще остается весьма высокой, В русском речевом этикете процедура представления фактически не играет существенной роли при знакомстве, допускается самопредставление.

При знакомстве англичане сообщают мало информации о том, кого они представляют друг другу. В. Овчинников так описывает знакомство англичан: «Знакомя гостей, хозяева прежде всего представляют их друг другу просто по имени: «Это Питер, это Пол, а это его жена Мери». Если и добавляется какая-то характеристика, то чаще всего шутливого характера: «Вот наш сосед Джон, принципиальный противник мытья автомашины» [45: 216]. У англичан не принято подробно расспрашивать новых знакомых о чем-либо - этикетно, наоборот, проявить нелюбопытство.

3.2. ПОДДЕРЖАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО КОНТАКТА

3.2.1. Поддержание разговора, диалога

Групповой разговор должен поддерживаться. Обычно он носит фатический, светский характер и представляет собой «эстафету любезностей», по очереди передаваемую собеседниками друг другу [45:216]; [47].

Принято говорить со всеми приветливо и ни о чем; подобный тип разговора в русском общении рассматривается как неискренний.

Англичане не прерывают собеседника. Вступают в разговор, только дождавшись паузы. Реплики собеседников не «нахлестываются» одна на другую, как это часто происходит в разговоре русских. Если вы что-то недоговорили и сделали паузу, не пытайтесь договорить вслед, ваше время кончилось и теперь следует ждать, когда ваш собеседник сделает паузу. Говорить одновременно с ним – грубое нарушение английских коммуникативных правил.

В разговор незнакомых людей вмешиваться нельзя ни в коем случае – это рассматривается как нарушение личной автономии. Исключение

допустимо, если вы – с извинениями – просите объяснить, где что-то находится.

Если два человека беседуют, а вам нужно поговорить с одним из них, то уважительно будет подойти к ним на небольшое расстояние, остановиться и подождать около двух секунд. Привлекать внимание разговаривающих принято невербально. Если вас не замечают, в крайнем случае можно кашлянуть или сказать: «*Excuse me*», «*May I have a minute please?*», «*Will it be all right if I spoke to you?*».

3.2.2. Демонстрация уважения и расположения к собеседнику

В разговоре уважение к собеседнику будет продемонстрировано, если вы не прерываете собеседника на полуслове, следите за ним взглядом; при этом взгляд можно отводить и возвращать снова. При просьбе к уважаемому человеку в начале фразы используются обороты «*Would it be possible...?*», «*Could you possibly be so kind as to...?*».

Уважительной формой обращения к собеседнику в английской коммуникативной традиции является использование имени человека в конце фразы (*Hello, Tom*). С особой вежливостью принято обращаться к королеве – в конце фразы используется слово *ma'am*.

Знаком расположения к собеседнику, знаком контакта и желания продолжить общение выступает приглашение выпить что-нибудь – *Would you like a cup of tea / coffee ? Would you like a glass of wine?*- дома или в пабе.

В английском общении существует такая форма демонстрации расположения к собеседнику как '*phoney invitation*' - приглашение, которое делается из вежливости и не предполагает впоследствии реального приема приглашенного у себя дома либо совместного проведения времени где-либо. Такие фразы, как *Drop in before you live London / Let's go down somewhere at the week-end / You should come to lunch one one day* могут представлять собой чисто этикетные формулы, являющиеся демонстрацией вежливости и

выражающие расположенность к собеседнику, но никак не приглашение (см.[39: 324]; [40: 139]).

Намеренно тихий голос не является в английском общении проявлением уважения.

Необходимо отметить, что высокий уровень вежливости в английском официальном общении не всегда свидетельство симпатии, так как вежливость может быть формально-профессиональной (продавец, клерк).

Принято быть очень вежливым к нижестоящим – это является признаком аристократизма.

3.2.3. Извинение

Извиняться принято перед всеми и практически по любому поводу: англичане извиняются перед уходом - «Извините, мне надо идти»; при заполнении какого-либо бланка, если что-то неясно; за ошибку в наборе номера телефона; когда платят небольшую сумму и подают кассиру банкноту в 10 фунтов стерлингов - за то, что нет мелочи; за приближение на близкое расстояние, за физическое касание, курение и т.д.

Англичане извиняются даже тогда, когда случившееся не их вина: «Извините, меня не было дома, когда вы звонили вчера вечером».

Принято извиниться за опоздание. Причину опоздания объясняют, как правило, начальнику (если он вас увидел опаздывающим), но можно рассказать о ней и коллегам по работе, с кем у вас хорошие отношения. При опоздании на занятия студенты не извиняются, если пробираются на свое место по задним рядам аудитории; если дверь расположена там, где находится преподаватель, то извиниться надо. При этом разрешения войти не спрашивают.

Если вы вынуждены протискиваться на свое место в театре, кинотеатре, то придется несколько раз повторить *Excuse me. Thank you.*

Наиболее употребительные формулы извинения в английском языке – «*I'm sorry*», «*I'm terribly sorry*». Выражение «*Oh, excuse me*», имеющее более

сильное значение, употребляется в настоящее время довольно редко - в магазине при приближении на близкое расстояние - *Sorry*, при столкновении – *Sorry. Excuse me.*) Формула *excuse me* употребляется главным образом как знак привлечения внимания: *Excuse me, could I have the menu, please?* (к официанту) / *Excuse me, is there a bus stop near here?* (к прохожему).

Нарушитель извиняется первым, но вполне обычна ситуация, когда при нарушении чужого пространства он и пострадавший извиняются вместе. В ответ на извинение принято говорить *That's OK / OK / No problem*. В ответ на извинение за опоздание, другие нарушения договоренностей или повреждение имущества и пр. можно ответить *It's fine / Don't worry*. В Ирландии часто говорят *It's grand*.

Большинство извинений носит устный характер. Когда же речь идет об извинении за серьезный поступок, полагается сделать это в письменной форме, например, ученик оскорбил учителя и свои извинения обязан изложить в письме.

Частое использование извинения является признаком воспитанности; это знак внимания к окружающим, к собеседнику, признание его права на независимость, невмешательство, личную неприкосновенность. Извинения могут также использоваться при обращении: «*Sorry, could you tell me...*».

Извинение в английском общении – важнейшая составляющая вербальной вежливости.

3.2.4. Благодарность

Благодарят англичане так же часто, как и извиняются. В английском вербальном поведении выражению благодарности отводится большое место в повседневном общении. Это одно из средств демонстрации взаимного уважения, проявления внимания к окружающим. Частое употребление речевых формул благодарности привело к тому, что они в какой-то степени утратили свое значение. Исследователи отмечают, что британское *'thank you'* часто является скорее формальным маркером, знаком завершения

контакта, чем выражением искренней благодарности. Его можно услышать от водителя автобуса, подающего вам билет; от кассира, который по вашей просьбе разменял вам крупную купюру; в магазине, когда вы возвращаете не подошедшие по какой-то причине вещи, и т.д.

Англичане часто благодарят в ситуациях, в которых, с точки зрения русских, нет повода для благодарности. Особенно это характерно для сферы обслуживания. Типичная ситуация в магазине:

Покупатель: *Could you change me a pound, please.*

Продавец: *Sure. Here you are.*

Покупатель: *Thank you very much.*

Продавец: *Thank you.*

Есть пример того, как продавец сказал покупателю *thank you* 10 раз за время оплаты и выдачи одной покупки.

Помимо частотности, еще одной особенностью, характерной для английской благодарности, является экспрессивность и преувеличение. Создается впечатление, что англичане, сами осознавая семантическую опустошенность своей формулы благодарности и желая, чтобы их благодарность звучала более искренне, различными способами усиливают ее.

В английском языке существует большое разнообразие формул благодарности, где она усилена при помощи различных интенсификаторов. Так, помимо *thank you / thanks* употребляются *thank you very much, thank you so much, thank you so very much, thank you ever so much, thank you very much indeed, thank you awfully, thanks a lot, many thanks, a million thanks, thanks a million (Irish English)*. В письмах встречается также *Very many thanks*.

В официальной обстановке общения в качестве формул благодарности могут быть использованы еще более сложные сочетания: *I'm so grateful for your help / I'm much obliged for your cooperation / I appreciate your efforts very much / I have no words to express my gratitude / I can't find words to express my thanks*.

В межличностных контактах, особенно когда коммуниканты знакомы, они редко ограничиваются репликой благодарности. Как правило, она сопровождается (или заменяется) выражением оценки. Это может быть как оценка объекта благодарности, выражение отношения к нему, так и оценка партнера, его качеств либо действий. Так, в ответ на приглашение на обед можно опустить формулу благодарности и ограничиться выражением эмоционального отношения к факту приглашения: *Great / That would be great / That would be lovely / That sounds great / I'd love to / I'd be delighted to come* и т.д. Ответ же, состоящий из одной благодарственной реплики, является недостаточным. Как правило, она сопровождается репликой с оценкой: *It would be great. Thanks. / That sounds great. Thanks for asking. / I'd love to. Thank you very much.*

Формулы благодарности часто усиливаются комплиментами, которые в большинстве случаев содержат прямую оценку качеств собеседника:

Thank you very much.

You're so kind / supportive / helpful / thoughtful / hospitable / considerate / generous.

You've been most helpful and supportive.

You're being extremely kind.

It's so nice / kind of you.

It's most kind of you.

That was a lovely dinner. You really are a marvelous cook!

В английской коммуникации наблюдается также тенденция усиливать благодарность, используя одновременно несколько реплик с разнообразными интенсификаторами:

*I want to **thank you both very much indeed** for coming to say goodbye. **It's so nice of you. I really do appreciate that** (благодарность за визит).*

*That was **great. Thank you very much** for a lovely dinner. The food was **gorgeous and I really enjoyed the afternoon** (благодарность за обед).*

That's fantastic. You're great. Thank you so much. I really appreciate it (благодарность за оказанную помощь).

That's simply gorgeous. Thank you very much. That's the most amazing present ever. I really love it (благодарность за подарок).

При выражении благодарности английские коммуниканты являются более многословными, чем русские. В ситуациях благодарности они, как правило, употребляют на одну реплику больше: в ситуациях, где русские ограничиваются одной репликой, англичане предпочитают две; там, где русские употребляют две реплики, англичане употребляют три, четыре и даже пять:

That's fantastic. I really appreciate your doing that for me. Thank you very much (благодарность за оказанную помощь).

Thank you very much. You were so kind to ask me and it was a beautiful meal. You outdid yourself (благодарность за обед).

Наиболее традиционными речевыми формулами, используемыми в ответ на благодарность являются: *OK, That's OK, That's all right, It's no problem, Don't mention it, Not at all, You're welcome, Any time, My pleasure*. В разных ситуациях они сопровождаются оценочными репликами, с помощью которых коммуникант делает ответный реверанс в сторону партнера, подчеркивая его значимость и свое внимание к нему:

(уходя из гостей) 'Thanks for dinner. It was lovely'.

'Thank you for coming. You're a lovely company'.

(после оказанной помощи) 'You're a star. Thank you very much'.

'Don't mention it. I'm delighted to be able to help'.

(получив подарок) 'Oh my God! This is too much. It's gorgeous'.

'You deserve it'.

Широко распространенной репликой, употребляемой в ответ на благодарность, является формула *You are welcome*, не имеющая точного эквивалента в русском языке, и ее интенсифицированные варианты: *You are very welcome / You are always welcome / You are always very welcome / You are*

more than welcome. Ориентированные на объект, они выражают внимание собеседника к партнеру, расположенность к нему, желание дальнейших контактов.

В сфере обслуживания благодарность клиента за оказанные услуги обычно сопровождается ответным *Thank you* со стороны обслуживающего персонала. В данном случае эта реплика далеко не всегда аналогична русской *Вам спасибо*, так как часто употребляется в ситуациях, когда клиент не совершил никакого действия, которое могло быть выгодно данному заведению и могло заслужить благодарность:

(В примерочной магазина, возвращая все перемеренные, но не выбранные для покупки вещи)

'Thank you very much'.

'Thank you'.

(Посетитель магазина благодарит кассира за то, что тот разменял ему 1 фунт)

'Thank you very much'.

'Thank you'.

Каких-либо особенностей в выражении благодарности родным или знакомым не существует. Из людей отдельных профессий особенно благодарят телефонистку за данную ею справку, диспетчера, принявшего заказ на такси, продавца, отпустившего товар. На благодарность может рассчитывать пассажир, оказавший вам чем-то помощь, прохожий, пропустивший вас в двери вперед. Выражая благодарность, британцы хотят показать, что они оценили ваше внимание и заботу.

Заранее благодарить не принято; это допустимо в официальных письмах, хотя и не обязательно.

Если вы получили какую-либо вещь по почте или через третье лицо, то принято написать письмо благодарности тому, кто вам отправил подарок.

3.3. ПРЕКРАЩЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО КОНТАКТА

3.3.1. Выход из контакта в процессе общения

В английском коммуникативном поведении выход из общения с собеседником должен быть обязательно плавным и мотивированным.

К прекращению беседы в английском коммуникативном поведении нужно подойти постепенно, плавно, что не обязательно в русском общении – англичан очень удивляет эта особенность русского завершения коммуникации, когда можно просто сказать: «Ну все. Пора идти» или «Ну все. Я пошел. Пока!» Такое завершение разговора англичане рассматривают как нарушение вежливых норм.

При этом, с одной стороны, в британском поведении уважается право человека говорить с тем, с кем ему хочется и не говорить с тем, с кем не хочется; в связи с этим не считается особенно невежливым сам факт того, что человек не желает поддерживать беседу с незнакомцем; с другой стороны, если на вечеринке двух гостей представили друг другу, они обычно говорят в течение пяти минут, после этого, если один из них не желает общаться, он должен найти очень хороший предлог для того, чтобы выйти из коммуникативного контакта.

Коммуникативный контакт может быть прерван, если у партнера намечается новый собеседник. Другими словами, необходимо какое-то время побеседовать, но чтобы выйти из общения, необходимо, как правило, найти своему партнеру по разговору другого собеседника – тогда можно отойти и продолжить светское общение с другими.

О желании прервать контакт свидетельствуют односложные ответы на вопросы – они показывают, что вы не хотите общаться с собеседником.

3.3.2. Прощание

В английской коммуникации реплики, употребляемые в ситуации прощания, довольно разнообразны. Среди них - речевые формулы, которые могут использоваться как при встрече, так и при прощании: *Good morning*,

Good afternoon, Good evening. Близкая к ним формула *Good day* употребляется только при прощании. *Good night*, в отличие от русского *Спокойной ночи*, может употребляться как пожелание при отходе ко сну, так и в качестве прощальной реплики в позднее время. Также, желая спокойной ночи, можно сказать *Night* или *Night, night!*, что является первой строчкой популярной песенки *Night, night / Sleep tight / Don't let / The bugs bite*.

Все перечисленные формулы прощания (за исключением *Good night, Night*) имеют оттенок формальности.

Более нейтральной в стилистическом плане формулой является *Good bye*, которая еще не так давно являлась наиболее распространенной репликой, употребляемой при прощании на любом стилистическом уровне. Однако процесс демократизации общения коснулся и ее. В настоящее время она все чаще вытесняется ранее считавшимися фамильярными *Bye* и *Bye-bye*, которые становятся нейтральными формулами широкого употребления.

На выбор формул прощания иногда существуют ограничения, например «*See you (later)*» пожилым не говорят, вместо него используется нейтральное «*Good bye*», «*I'll see you (next week)*».

Прощание, как правило, сопровождается большим количеством формул с разными значениями. Они могут содержать:

оценку имевшей место встречи (*It was nice seeing you. I did enjoy your party; This has been a smashing evening, truly remarkable. I enjoyed every minute of it; It was lovely; That was wonderful; That was really great; I really enjoyed that; Nice to have met you; I was pleased to see you; Good to talk to you*);

благодарность за приглашение или визит, за уделенное время, угощение или другие знаки внимания (*Thank you for having me, Thank you for coming, Thank you for inviting me, Thank you very much for a lovely dinner, Thank you for your time*);

знаки внимания к третьим лицам (*Say hi / hello to Helen, Remember me to Paul, (Give my) regards to your parents, (Convey my) congratulations to Ann, (Give my) love to Kitty, Best wishes to Sam*);

намерения продолжения контактов (*We'll be in touch, See you, We'll see you soon, See you at University, See you tomorrow, See you later, See you next week, Till next time then, I hope we see you again before too long, I hope to see you again soon, I'll ring you later, I'll give a ring one of these days, Talk to you, Don't hesitate to call, Give me a ring, Give me a buzz, Drop me a line, Keep in touch, Give us a shout*);

приглашения (*Come again soon, Drop in when you have time, Let's go somewhere at the week-end, I'll have to invite you around some time now, You should come to lunch one day, You must come around to my house some time, Call in any time*);

различными пожеланиями (*Have a nice day, Have a relaxing afternoon, Have a great evening, Have a lovely week-end, Enjoy the party, Enjoy your holiday, Enjoy your stay in Dublin, All the best*);

заботу о партнере (*Take care, Look after yourself, Don't work too hard*).

При прощании характерным является употребление нескольких реплик- пожеланий, как, например, в следующем диалоге:

'Bye, Tom. Have a great evening. Relax. Enjoy yourself.'

'Thanks, Jane. Have a nice week-end too. Bye-bye' (коллеги в пятницу вечером).

При завершении контакта коммуниканты, как правило, используют несколько реплик с подобной семантикой, в результате чего завершительная фаза общения может превратиться в достаточно длинный диалог. Резко прекращать контакт с собеседником в английской коммуникации, как уже подчеркивалось выше, невежливо, а «многословие», напротив, является одной из стратегий вежливости.

Как правило, принято прощаться с большинством незнакомых людей: с попутчиком в поезде, экскурсоводом, врачом, работником сферы обслуживания, с телефонисткой при окончании телефонного разговора, с уборщицей в школе, если, кроме нее, в здании больше никого не осталось.

3.4. ПОСТРОЕНИЕ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В СИТУАЦИЯХ РЕШЕНИЯ ПРЕДМЕТНЫХ ЗАДАЧ

3.4.1. Коммуникативный акт - Приглашение

Как в английской, так и в русской коммуникации, делая приглашение, говорящий демонстрирует свое расположение к собеседнику, свою симпатию и желание продолжить отношения. Однако, как уже отмечалось, в отличие от русских приглашений, когда говорящий действительно чаще всего намерен продолжать контакты, в английской коммуникации такие приглашения, как *Come again soon, Drop in before you leave London, Let's go somewhere at the week-end, You should come to lunch one day* могут вовсе не предполагать совершения называемых действий. Они часто представляют собой чисто этикетные формулы, выражающие расположенность к собеседнику, являются элементом речевого акта «прощание» и выполняют фатическую функцию.

На данную особенность приглашений указывают многие исследователи. Так, Майкл Окенден отмечает, что иногда трудно бывает понять, где настоящее приглашение, а где нет, и если кто-то говорит *"You really must come and see us one of these days"*, следует ответить *"Thank you very much. I love meeting English people"* и подождать, последует ли за этим уточнение даты встречи [92:84].

Показательно в этом отношении также следующее высказывание: *"...it is common in the UK and in North America ... to use the phrase, "Let's have lunch," not as a serious invitation to have lunch but simply as a casual way of saying "goodbye." The intention is no more than to say something as like, "I've enjoyed the conversation so much and wouldn't mind getting together again sometime."* [95: 27]. В этом случае приглашение является обычной речевой формулой, употребляемой при прощании. Подобное приглашение называется *phoney invitation*.

Приглашая на ланч, говорящий вовсе не предполагает, что этот ланч будет иметь место. Прагматическое значение данного приглашения –

показать адресату, что беседа была столь приятной говорящему, что он в принципе он не возражал бы как-нибудь пообедать вместе.

Сказанное выше вовсе не означает, что англичане никогда никуда не приглашают своих друзей и близких. Они, безусловно, делают это, однако также в весьма своеобразной форме, зачастую отличной от русских приглашений.

Русские коммуниканты, как представители коллективистской культуры, являются большими любителями общения и застолья. Приглашая друг друга в гости, они не сомневаются в том, что приглашение будет с радостью воспринято. Приглашения делается в прямой форме, чаще всего при помощи императива или перформативного глагола. Английские коммуниканты и в этом речевом акте демонстрируют уважение личной автономии собеседника, его зоны «привеси».

Наиболее часто английские приглашения делаются в форме вопроса: *Would you like to come out with me one night this week?/ Would you like to dance?* Приглашение может быть сделано также в форме предложения: *Why don't you come up and see me sometime? / Why don't you come to the sitting room?/ Why don't you take a seat?*

Настойчивость в английской коммуникации, в том числе и при приглашении, недопустима. Она воспринимается как давление на собеседника, вторжение в зону его личной автономии, нарушение этикетных норм. Основная стратегия английских коммуникантов – сделать приглашение в максимально косвенной форме, не допустить ни малейшего воздействия на собеседника, предоставить ему право не совершать действие. При этом порой приглашения делаются в столь завуалированной форме и предоставляют слушающему столь большую возможность выбора, что не могут не вызвать удивление у русскоговорящих коммуникантов, которые подобными стратегиями не пользуются:

I was wondering if you were interested in having dinner with me (приглашение коллеги пообедать вместе),

Just wondering if you'd like to come over on Saturday. I'm having a small do for my birthday (приглашение друга на день рождения),

If you would like to follow me, we'll be going in through the main entrance (приглашение гида войти в здание правительства).

Русскими коммуникантами, привыкшими к прямым высказываниям, подобные формулы из-за их завуалированности с трудом воспринимаются как приглашения.

Стараясь дистанцировать собеседника от называемого действия, говорящий порой представляет это действие таким образом, что он в любом случае будет его совершать, а адресату предлагается при желании присоединиться к нему: *I'm just going to the cinema. Would you like to come along with me?*

В русской коммуникации в подобной ситуации более типичным было бы побуждение со значением совместного действия: *Давай сходим в кино*. Дистанцирование собеседника в этой ситуации может быть воспринято с обидой.

Однако неправильно было бы утверждать, что при приглашении английские коммуниканты совсем не употребляют прямые высказывания: речевые формулы с перформативным глаголом *invite* (*приглашаю*) или с императивом. Глагол *invite* употребляется, но гораздо реже, чем в русском языке, и практически всегда в форме сослагательного наклонения или в пассивном залоге (*I'd like to invite you / You are invited*).

Формы повелительного наклонения также очень ограничены. Как отмечает Дж.Лич, они возможны в вежливом употреблении лишь в тех особых случаях, когда слушающий совершает действие в своих личных интересах и говорящий уверен, что слушающему это действие понравится, например, когда хозяин приглашает гостя войти, сесть, отведать угощений [90]: *Come in. Sit down. Have some more salad. Have another chocolate. Have a cigarette.*

В этих ситуациях говорящий позволяет себе оказать давление на слушающего. Дж.Лич отмечает, что таким образом он демонстрирует свою искренность в желании того, чтобы слушающий принял его приглашение или предложение [90: 119]. Интересно отметить, что именно из этого исходят русские коммуниканты, предпочитающие делать приглашения в прямой императивной форме.

Выбор оптимальной речевой формулы приглашения зависит от многих факторов: возраста, степени знакомства, уровня отношений, места, времени, настроения и других.

Для эффективной реализации речевого акта «приглашение» русскоговорящим коммуникантам при общении на английском языке не следует употреблять побудительных высказываний, как императивных (типа русского *Приходи ко мне*), так и со значением совместного действия (типа русского *Давай зайдем ко мне*), а также использовать средства усиления воздействия (подобно русским *Обязательно приходи, Ты должен прийти*).

Рекомендуется делать приглашение в форме вопроса: *Would you like to come, Are you coming to my part, Will you come, Can you come, Why don't you come round.*; ориентироваться на говорящего, на его желания и интересы, а не на свои: *Would you like to come, Do you want to come, How do you fancy coming, Will you be able to come, Are you available for dinner*; не допускать субъектно-ориентированных высказываний, соответствующих русским *Я приглашаю, Я жду, Я хочу, чтобы ты пришел*; помнить, что степень вежливости приглашения зависит от степени его косвенности: *I was wondering if you'd like to come.*

3.4.3. Коммуникативный акт - Просьба

В английской коммуникативной культуре выделяются следующие наиболее употребительные типы похвалы:

похвала, характеризующая внутренние, моральные качества человека:

“How do you feel, my dear?” – “Very happy, sir. And very grateful indeed, sir, for your goodness to me”. – “*Good boy*”.

похвала, характеризующая совершенные поступки:

“You’d better get his fingerprints, Sugan, and see if he’s known”. – “I’ve already got them”. – “*Good man*”.

похвала, характеризующая намерения:

“I will spare neither trouble nor expense in behalf of the object in which we are all so deeply interested, and I am content to remain here...” – “*Good!*” [110: 269].

похвала, характеризующая совершаемые действия:

“But you don’t do those things – *bless you!*”

похвала, характеризующая способности и профессионализм:

“*Well done!*” I cried out of myself.

похвала, характеризующая интеллектуальные способности:

“Got that?” – “Yes. I’m not a complete fool”. – “*Good* [108: 228].

похвала, характеризующая образ мыслей, определенную точку зрения:

“And what do you think of it?” – “It’s quite enough”. – “*I’m glad you think so*”.

Речевой акт похвалы наиболее распространённый тип дискурса в английской коммуникативной культуре. Англичане больше всего хвалят других за поступки, намерения и образ мыслей.

3.4.3. Коммуникативный акт - Просьба

Английский язык отличается большим разнообразием средств выражения просьбы: это могут быть прямые декларативные высказывания, императивные, вопросительные конструкции, косвенные вопросы, развернутые декларативные и вопросительные высказывания, высказывания-намеки.

С точки зрения способа выражения просьба может быть выражена прямо или косвенно, причем степень косвенности может также существенно

варьировать. Выбор тех или иных дискурсивных конструкций зависит от многих экстралингвистических факторов и определяет разную степень вежливости. Вежливость просьбы, прежде всего, зависит от способа ее выражения: чем менее прямо она звучит, тем более вежливой является. Ср.:

Type this letter.

I want you to type this letter.

Will you type this letter?

Can you type this letter?

Could you type this letter?

Would you type this letter?

Could you possibly type this letter?

Would you kindly type this letter?

Would you mind typing this letter?

I was wondering if you could type this letter и т.д.

Самым прямым способом выражения просьбы является императив. Близким ему является эксплицитное выражение желания говорящего (*I want you to type this letter.*) Наиболее вежливыми являются высказывания, находящиеся на противоположном конце шкалы, поскольку просьба в них выражена наиболее косвенным образом.

В английской коммуникативной культуре предпочтение отдается косвенным способам выражения просьбы. Вежливость косвенных высказываний объясняется тем, что они облегчают слушающему возможность отказа, предоставляют возможность не совершать действие.

Императивный тип дискурса является самым прямым способом выражения желания говорящего и практически не оставляет слушающему возможности не совершать действие. Без модификатора он встречается в английской коммуникации крайне редко. Даже в сочетании с *please* он не является достаточно вежливым средством выражения побуждения. Эффект

смягчения побуждения достигается только в его комбинации с другими средствами (в вопросительном предложении в сочетании с *could* или *would*).

Отрицательные императивные дискурсивные конструкции, содержащие просьбу к адресату не совершать то или иное действие (*Don't smoke*), также отличаются пониженной степенью вежливости. При более вежливом уровне общения предпочтение отдается развернутой конструкции *I'd rather you didn't smoke, if you don't mind*.

Употребление императива для выражения просьбы допускается в неформальном общении при очень близких отношениях (среди друзей или членов семьи). Часто он сопровождается модификаторами: *Hang on a minute, please /Pass me my handbag dear. / Just keep it for me. /Just do as you think, you know*.

Говорящий может смягчить воздействие императива конечным формативом (*will you, would you, could you, right, all right, OK*), как бы пытаясь таким образом заручиться согласием адресата совершить действие, убедиться в том, что он не возражает: *Sit down here, would you. /Come across and see me on Sunday, all right. /Have a drink, why don't' you*. В высказываниях этого типа конечный форматив *will you/would you* утратил значение вопроса и стал маркером вежливости, приблизившись по значению к слову *please*. Об этом свидетельствует тот факт, что после подобных высказываний ответная реплика часто отсутствует и даже не предполагается.

Декларативные высказывания со значением побуждения типа *I want you to do this, I ask you to do this* по прямолинейности очень близки императивам. В них говорящий также прямо говорит о своем желании, не принимая при этом во внимание желания или возможности собеседника, то есть ставит свои интересы выше интересов партнера по коммуникации: *I want to speak to the manager. / I'd like you to make an enquiry for a new book*. Подобные высказывания также не типичны для английского коммуникативного поведения. В случае их употребления говорящий, как правило, использует для смягчения определенные средства дистанцирования:

I wanted to speak to the manager (прошедшее время), *I'd like an enquiry to be made for a new book* (пассивный залог).

Вопросительные высказывания с модальными глаголами являются наиболее распространенным способом выражения просьбы и включают вопрос-побуждение: *Can you give me a lift home?* и вопрос-разрешение: *Can I get a lift home?* Следует отметить, что последние являются более вежливыми.

Наиболее распространенными в неофициальном стиле общения являются вопросительные конструкции с глаголом **can** (*Can I borrow your umbrella, please?*). Высказывания с глаголом **could**, выражающим большую долю сомнения, характеризуются большей степенью вежливости (*Could I use your telephone, please?*).

Модели с глаголами **may/might** звучат еще более вежливо и уважительно по отношению к адресату и более характерны для официального стиля общения, они сигнализируют о формальности и/или субординации.

Просьба в виде вопроса может смягчаться при помощи различных модификаторов. При этом интересно отметить, что глаголы *can* и *will* редко сопровождаются модификаторами в отличие от *could*, *would*, для которых сопровождение модификаторов весьма характерно.

Could you please является одним из наиболее предпочитаемых способов выражения просьбы: *Could you please ring me back?* / *Could you please give my apologies to Mr. Smyth?*

Возможны также следующие сочетания: *could you kindly* / *could you sweetly* / *could you perhaps* / *could you possibly* / *could you just* / *do you think you could*. Например: *Could you possibly ring me at eight?/ Could you just put them somewhere for me?*

Наиболее уважительной формой выражения просьбы в английском языке являются развернутые высказывания типа *Would it be possible for you to do it? I would appreciate it if you'd do that. I was thinking maybe you wouldn't mind doing that*. Подобные высказывания характерны в основном для

формального общения, для ситуаций, когда коммуниканты разделены большой дистанцией: *Could I possibly trouble you to take a moment to do it?* (заведующий кафедрой – преподавателю); *It's not urgent, but I would be grateful if you could give me a call* (сообщение на автоответчике).

При обращении с просьбой на английском языке русскоговорящим коммуникантам следует помнить, что английские вопросительные высказывания с модальными глаголами *could / would* (*Could you give me that book, please?*) по степени вежливости равноценны русским императивным формулам с модификатором *пожалуйста* (*Подай, пожалуйста, ту книгу*), [подробнее см.:41]

3.4.4. Коммуникативный акт - Совет

Несмотря на то, что совет предполагает действие слушающего в его собственных интересах, в целом, как и все побуждения, он является в английской коммуникации «опасным» речевым актом, который может быть расценен как угроза независимости собеседника, его личной автономии. Особенно это касается совета, даваемого по инициативе говорящего, то есть без какого-либо приглашения к тому со стороны слушающего. Уже цитировавшаяся нами выше старая английская пословица гласит: *"Give not counsel or salt till you are asked"*.

В английской коммуникации совет дается тремя типами высказываний: императивными, вопросительными и высказываниями с модальными глаголами. Так, например, совет другу пойти к врачу может быть выражен при помощи следующих речевых формул: *Go to the dentist. / Why don't you go to the dentist? / You should go to the dentist.* Однако частотность употребления подобных высказываний неравноценна. Наименее распространены императивные высказывания, чуть более частотными оказываются высказывания вопросительные, преобладающим же способом выражения совета являются высказывания с модальными глаголами.

Модальные глаголы, используемые для выражения совета, весьма разнообразны (*should, ought to, you'd better, must, have to, need to, can, could*): *You'll have to visit the dentist. You'll have to go to the dentist before the week-end to have it seen to. You must go and see the dentist. You'd better get it seen to. You ought to have it looked at. You probably need to go and see the dentist.* Наиболее частотным из всех используемых для выражения совета модальных глаголов является глагол *should*: *You should visit the dentist. You should go and see the dentist. You should make an appointment with the dentist. You should arrange a dentist appointment. You should go to the dentist and get it looked at. You should have it attended to* и др.

3.4.5. Коммуникативный акт - Поздравление

Поздравляют англичане гораздо реже, чем русские. Поздравительными открытками принято обмениваться всего два раза в год: на Рождество и в день рождения. Этому придается очень большое значение, поскольку это важный знак поддержания контакта. Рассылаются открытки практически всем: близким родственникам, дальним родственникам, друзьям, знакомым, соседям и т.д. Поздравление по телефону не является адекватной заменой поздравительной открытки.

Высоко значим сам факт получения открытки, а не содержащиеся в ней слова. Текст очень лаконичен и практически помимо обращения и подписи, содержит одну фразу *Happy birthday / Warm wishes on your birthday / Merry Christmas and a Happy New Year / A very Happy Christmas and best wishes for 2003 / Wishing you a Merry Christmas and a Happy New Year.* Поскольку современные открытки уже содержат текст, надписи все чаще ограничиваются именем адресата и подписью: *To Therese and David ...From John / To Elly ... With lots of love from Harry.*

Пожелания, содержащиеся в поздравительных открытках, фактически сводятся к пожеланию весело провести день рождения или Рождество, в них отсутствуют конкретные пожелания на будущее, подобные русским: *Желаю*

больших успехов, крепкого здоровья (в Англии можно пожелать выздоровления, если человек болен), много счастья или еще более конкретных Желаю успешно закончить университет / Желаю осуществить все намеченное /Желаю найти интересную работу / Желаю встретить хорошего друга и т.д.

Данная особенность объясняется тем, что для индивидуалистической культуры характерно прагматическое мировоззрение, убежденность в том, что все, что человек имеет или хочет иметь, зависит от него самого, его усилий, его настойчивости, трудолюбия, а не от судьбы, везения, удачи. Именно поэтому характерные для русской коммуникативной культуры пожелания англичанам представляются неуместными.

Само слово *congratulate* (поздравлять) - *I'd like to congratulate you...*(чаще просто *Congratulations*) так же, как и в Америке, применимо только для ситуаций, связанных с достижениями самого собеседника. Можно употребить это слово, поздравляя с женитьбой, рождением ребенка, сдачей экзамена, победой в соревнованиях, покупкой новой машины/дома, выходом книги, повышением по работе, получением ученого звания и т.д. В остальных случаях используются слова *greet, greetings*.

3.4.6. Коммуникативный акт – Пожелания и Оценка

Хотя по приведенной выше причине англичане практически ничего не желают в поздравительных открытках, речевые формулы-пожелания широко употребляются в повседневной жизни. Они являются частым компонентом прощания: *Have a nice day / Have a nice week-end / Have enjoyable holiday /Have a nice trip / Enjoy your stay in London*. При этом англичане отмечают, что эта мода пришла к ним из Америки.

Эмоциональные оценочные реплики являются своеобразными коммуникативными подарками, которыми щедро обмениваются английские коммуниканты. В оценочных репликах англичане используют большое количество разнообразных суперлативных прилагательных: *great, excellent,*

perfect, gorgeous, wonderful, brilliant, superb, fantastic fabulous, marvelous. При этом они часто употребляются при оценке довольно прозаичных вещей: *Your rice is terrific* (за столом). *The food was gorgeous / exquisite / lovely / beautiful / wonderful / delicious / scrumptious / terrific* (благодаря за обед). *That's an absolutely splendid example* (учитель – ученику, оценивая ответ).

При помощи подобных прилагательных англичане реализуют характерную для их коммуникации стратегию переоценки (*upgrading strategy*): *How absolutely (completely) marvelous (extraordinary, devastating, incredible, fantastic, wonderful, delightful, ravishing, divine, amazing, unbelievable)!*

Положительная оценка может быть усилена при помощи использования нескольких лексических средств: *Your daughter is a genius. She is absolutely fantastic* (учитель – родителям ученицы).

Тенденция к гиперболизации проявляется также в частом употреблении при выражении отношения глагола *enjoy*: *I really enjoyed that, I really enjoyed the afternoon, I enjoyed every minute of it, I thoroughly enjoyed the meal, I have really enjoyed myself.*

Подобные лексические гиперболы являются одной из черт английской разговорной речи. Благодаря частому употреблению оценочных реплик, изобилующих суперлативными прилагательными, английская речь звучит ярко и экспрессивно.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III.

В результате исследования особенностей речевого поведения представителей различных культур и, соответственно, различных систем дискурса можно делать выводы о тех или иных особенностях общения различных лингво-культурных общностей. В данном разделе работы сделана попытка выявления доминантных особенностей общения представителей

различных лингво-культурных сообществ. Для английской языковой личности в общении важны низкий уровень громкости; немногословие, высокий уровень бытовой вежливости; некатегоричность общения (англичане не любят высказываться определенно, не любят говорить четко «да» и «нет»); антиконфликтная ориентация общения; высокий уровень тематической табуированности общения, жесткая тематическая регламентация общения в большинстве ситуаций; очень высокий уровень фатического общения и значительная доля фатического общения в структуре коммуникации; большая роль письменного общения.

В коммуникативном поведении, характерном для русской языковой личности, выделяется общительность, нелюбовь к формальному, этикетному общению; табуированность коммуникативного выделения личности в общественных местах; несдержанность в проявлении эмоций; отсутствие традиции внешнего поддержания хорошего расположения духа; приоритет диффузного общения перед деловым общением; допустимость обсуждения сугубо личных проблем человека в группе общения; «коллективность» общения, стремление включить в общение всех присутствующих и включиться в уже идущее общение; оценочность, любовь к высказыванию оценок людей и событий в процессе общения; тематическое разнообразие, наличие разных тем для общения, набор которых весьма широк и дает возможность обсуждать практически любые темы; доминантность в разговоре, стремление говорящего завладеть вниманием, поговорить о себе, высказать свое мнение по обсуждаемому вопросу; бескомпромиссность в споре; бытовая неулыбчивость: не принято улыбаться незнакомым, «просто так» [62:104-105].

Итак, нормы речевого поведения являются реализацией ценностей, образующих ядро национальной культуры [62: 108]. В рамках данной работы мы вывели подтверждение следующей выдвинутой гипотезе настоящего исследования, а именно, что языковые проявления речевого поведения, коррелируют с его доминантными особенностями, предопределяемыми структурой дискурса. Для решения этой задачи изучению были подвергнуты

различные коммуникативные ситуации. Внимание к языковому ракурсу лингвокультурологического анализа вполне согласуется с результатами исследований, показавших, что «именно проблемы языка лежат в основе многих, если не большинства недоразумений в области международных коммуникативных отношений» [20: 68]. Соответственно вывод: лингвокультурный подход к анализу вербального блока дискурса способствует идентификации и локализации культурологической компоненты, отвечающей за часто возникающее недопонимание в процессе общения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описание культурологического аспекта коммуникативного дискурса обуславливает обращение к семантике, синтактике и прагматике дискурса и всех уровней языковой системы, к когнитивным механизмам, которые реализуются при использовании языка, и к экстралингвистическим факторам процесса коммуникации.

Лингвистические методы и аппарат исследования дают возможность проследить за развертыванием культурологической компоненты, действующей в рамках единиц различных уровней языка, и сделать вывод о том, что сопряжение языка и культуры может иметь различный характер и принимать различные конфигурации. Оно может быть непосредственным и опосредованным, однонаправленным и разнонаправленным процессом.

Проведенное исследование, целью которого являлось определение культуроносности коммуникативного дискурса, также способствует выработке метода лингвокультурологического исследования. Каждый уровень структурной организации дискурса предполагает выделение различных сфер локализации культурологической компоненты в рамках данного языкового знака. Произведенный анализ убеждает, что для идентификации культурологической компоненты следует произвести анализ изучаемого дискурсивного события посредством наложения матрицы, в качестве которой выступает структура языковой личности, находящая прямое отражение в структуре лингво-культурного кода. Результатом такого анализа является развернутая формула культурологической маркированности. Такой подход позволяет определить природу культурологической компоненты, порожденной лексико-грамматическим, когнитивным или прагматико-экстралингвистическим факторами. Признание существования культурологической компоненты и описание ее действия во всей системе языка, а не только на отдельных его участках, является стимулом к приданию языку статуса лингво-культурного кода, способствует выработке адекватных методов и приемов обучения иностранному языку и формированию коммуникативной компетенции

обучающихся. Таким образом, мы можем подвести итог нашему исследованию утверждением, что лингвокультурологический подход к анализу дискурса определяет черты языка и культуры, в рамках которых (и носителями которых) данный дискурс был произведен, что, прежде всего, проявляется в ситуации межъязыкового и межкультурного контакта. В ходе такого контакта (в частности, при межъязыковой межкультурной коммуникации) отдельные элементы дискурса на языке_x оказываются специфическими с точки зрения дискурса на языке_y и могут быть представлены в виде культурологических корреляций дискурсивных компонентов. Лингвокультурный подход к анализу коммуникативного межкультурного дискурса включает таким образом следующие уровни.

Во-первых, межкультурный дискурс начинается с того момента, когда партнер или текст идентифицируется как «иной» или «чужой». В случае письменного дискурса *сигналом чуждости* является обычно имя автора, в межкультурном устном дискурсе ряд их гораздо шире (хотя имя визави и здесь способно иметь немаловажное значение). Первое место в рамках этого фактора занимает, безусловно, *внешность коммуниканта*, которую, в свою очередь, можно подразделить на несколько групп признаков (*расовые признаки, признаки одежды, взгляд и общее выражение лица, походка и расположение тела, украшения и ухоженность лица и тела, запах*).

Во-вторых, существует проблематика связанная с дискурсивной мотивацией и интенцией. При рассмотрении проблематики, связанной с мотивацией употребления и функционирования дискурса, мы понимаем, что мотивы редко встречаются изолированно, а выступают, как правило, целыми пучками, среди которых, правда, выделяется некий доминантный мотив. Культурная специфика мотивов и интересов нередко проявляется в межкультурном дискурсе, приводя к недоразумениям и конфликтам.

В-третьих, Дискурс является разновидностью деятельности (преимущественно вербальной) и одновременно входит составной частью в неязыковую предметную деятельность, таким образом, межкультурная

коммуникация обусловлена дискурсной корреляцией *деятельность_x-деятельность_y*. Отсюда вытекает особая важность данного фактора для описания коммуникативных процессов, включая межкультурный дискурс. Концепт «деятельность» поддается таксономической иерархизации. Так, на самом верхнем уровне деятельностной иерархии можно разместить *сферы деятельности* (производство, оборона, рекреация, познание, искусство и т.д.), уровнем ниже – *экономический строй* (феодалное хозяйство, капиталистическая рыночная экономика, плановая экономика и т.д.), далее – отдельные *виды деятельности* («отдых», «лечение», «обучение в школе», «учеба в вузе» и т.д.), *макродействия* («ехать на метро», «праздновать день рождения», «посещать больницу» и т.д.) и, наконец, *элементарные действия* («курить», «есть», «переходить дорогу» и т.д.).

В последние годы макродействия или, точнее говоря, их когнитивные репрезентации изучались под названиями *фреймов* или *сценариев* [44] в рамках т.н. «когнитивной науки». Основная ценность этих исследований видится прежде всего в том, что отдельные события и макродействия были представлены в них как упорядоченные во времени и пространстве последовательности более или менее стереотипных действий, как схематические структуры с открытыми конечными терминалами.

В четвёртых, существует культурная специфика дискурсной корреляции *Тема_x – Тема_y*. Наименьшей она, вероятно, является в случае тем, которые особенно охотно затрагиваются в прямом непосредственном межкультурном дискурсе (дежурные темы). Таковыми являются, например, интернационально известные факты из истории, искусства, спорта и т.п. страны инокультурного коммуниканта. Выбор подобных тем объясняется, вероятно, стремлением установить позитивные человеческие взаимоотношения с партнером по общению. Сегменты коммуникации, служащие этой цели, и предваряющие обсуждение собственно Темы дискурса, обычно называются фатической коммуникацией или, по-английски, *small talk*.

Наряду с только что упомянутыми «межкультурно-фатическими» темами, можно выделить культурно-специфические фатические темы, способные приводить к более заметному очуждению – так, например, финнам часто приписывается, что они плохо умеют вести small talk, или что он даже вообще отсутствует в финской культуре.

В-пятых, корреляционный фактор *Тезаурус* в дискурсе может истолковываться двояко: как фоновые знания (широкое понимание) и как понятийный или концептуальный «словарь», т.е. совокупность более или менее дискретных смыслов (концептов), которые индивидуум накопил (и накапливает) в своем сознании в течение жизни (узкое понимание). Этот «словарь» включает в себя универсальные, интернациональные, а также культурно-специфические смыслы, которые представляют основной интерес с точки зрения межкультурного дискурса.

Термин «фоновые знания» целесообразно использовать для описания имплицитной (выводной) информации, не или мало связанной с данным вербальным Текстом, а генерируемой, в частности, в рамках факторов Коммуникант («кто говорит/пишет»), Тема («что уже говорилось/писалось на данную тему» и, прежде всего, Ситуация («какова ситуация, в к которой нечто говорится /пишется»)).

В свою очередь, термин «тезаурус» представляется более удачным, во-первых, для систематизации разнообразных культурно-специфических смыслов (например, в целях лингвострановедения), а, во-вторых, с точки зрения функционирования последних непосредственно в содержательной структуре вербального Текста, что важно, в первую очередь, для теории межкультурной коммуникации и теории перевода.

Мы выяснили, что дискурс, рассматриваемый с точки зрения носителя иного языка и иной культуры, характеризуется большим количеством специфических элементов, имеющих различную природу. Выделяется, в частности, 1) *системно-языковая* специфика, восходящая к корреляции факторов *языковой Код_x* – *языковой Код_y* (межязыковые расхождения в

отборе мотивирующего признака при лексической или фразеологической номинации, в объеме членения неязыковой действительности; в сочетании сигнификативных, денотативных и коннотативных сем, в имплицитности/эксплицитности выражения смысла, сочетаемости и т.д.); 2) *речевая специфика*, восходящая к комбинированным сочетаниям факторов $Код_x / Деятельность_x - Код_y / Деятельность_y$ и $Код_x / Ситуация_x - Код_y / Ситуация_y$ (расхождения в сферах узуса, микро- и макроречевых актов, коммуникативных стратегий и т.д.) и 3) *текстуальная специфика*, восходящая к расхождениям в корреляции *письменный Текст_x – письменный Текст_y* (типы и жанры письменных текстов). Указанные три типа специфики дискурса имеют, в основном, лингвистическую природу и могут быть противопоставлены специфическим элементам экстралингвистического характера, восходящим, большей частью, к особенностям национальных культур, участники которых вступают в дискурсивное взаимодействие.

Подчеркнем еще раз комплексный характер дискурса, включающего в себя как языковые, так и неязыковые элементы. В ситуации межкультурного дискурса, для которого характерна высокая степень расхождения в содержании основных коммуникативных факторов у участников общения, взаимодействие этих элементов оказывается под угрозой, что может приводить к сбоям в коммуникации или даже заканчиваться полной ее неудачей. Лингвокультурологический подход к анализу межкультурного коммуникативного дискурса является значимым для данной проблемы, и для решения вопроса о соотношении языка, культуры и мышления. Разница, толкуемая как разница менталитетов, может быть раскрыта в процессе изучения культурологических особенностей языковых единиц, что еще раз подчеркивает важность и актуальность исследований подобного рода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И.А. Глобальный экономический кризис и пути его преодоления в Узбекистане. Ташкент, 2009.
2. Постановление Кабинета Министров РУз. «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков» Ташкент, 2012.
3. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивносемиологическая синэргетика слова: Монография. Волгоград: Перемена, 2006. 228с.
4. Ахманова О.С., Гюбенетт И.В. Вертикальный контекст как филологическая проблема // Вопросы языкознания. - 1977.- № 3. - С. 47-54.
5. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. - Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1990. - 166 с.
6. Беляева Е.И. Принцип вежливости в речевом общении (Способы оформления декларативных высказываний в английской разговорной речи) // Иностранные языки в школе. - 1985. - № 2. - С. 12-16.
7. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.-576 с.
8. Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. - М.: Наука, 2000. - 509 с.
9. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). - М.: Изд-во РУДН, 1997.-331 с.
10. Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. - 1995. - № 4. - С.47-55.
11. Гак В.Г. Языковые преобразования. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - 768 с.
12. Гак В.Г./ Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. - М.: Наука, 2000. - С. 54-68
13. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. - М., 1996.- 416 с.
14. Горелов К.Н. Невербальные компоненты коммуникации. - М.: Наука, 1980.-104 с.
15. Грайс ГП. Логика и речевое общение // Межличностное общение / Сост. и общая редакция Н.В. Казариновой, В.М. Погольши. - СПб.: Питер, 2001.-С. 171-195.
16. Гумбольдт 1985: Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.

17. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. - М.: Изд-во МГУ, 1999(а).-152с.
18. Гудков Д.Б. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе // IX Конгресс МАПРЯЛ (Братислава 1999): Доклады и сообщения российских ученых. - Москва, 1999(б). - С. 120-126
19. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. - М.: Изд-во МГУ, 2000. - 120 с.
20. Де Вриз М. Internationally Yours. Международная деловая переписка как средство достижения успеха. / Перевод с англ. - М.: Изд-во «Весь Мир», 2001.-XVI, 386 с.
21. Дейк Т. ван. Контекст и познание: Фреймы знаний и понимание речевых актов // Т. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. / Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1989. - С. 12-40.
22. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (2) // Вопросы языкознания. - 1998. - № 6. - С. 48-57(48)
23. Захаренко И.В. Прецедентное высказывание как объект лингво-когнитивного анализа // DC Конгресс МАПРЯЛ (Братислава). Доклады и сообщения российских ученых. - М., 1999. - с. 143-150.(144)
24. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 312 с (213-309)
25. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. - М.: Изд-во МГУ, 1976.-312с. (170)
26. Иванов А.О., Поуви Дж. Английские разговорные формулы. - М.: Просвещение, 1989.- 128 с.
27. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - М.: Эдиториал УРСС, 2002. - 284 с.
28. Казарцева О.М. Культура речевого общения: Теория и практика обучения. - М.: Флинта, Наука, 1998.-496 с. (11)
29. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть.,- М.: ИРЯ РАН, 1999. - 180 с.
30. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М.: Наука, 1987.- 262 с (116)
31. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М.: Наука, 1975. - 229 с.(215).
32. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. - М.: Наука, 1984.-175 с.
33. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. - М.: Наука, 1980. - 149 с

34. Костомаров В.Г, Бурвикова Н.Д. Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур // Иностранные языки в школе. - 2000. - № 5. - С. 3-6
35. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. - 270 с. 169
36. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). - М.: Диалог-МГУ, 1998. - 352 с.
37. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. - 284 с.
38. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. - М.: Наука, 1986.-158 с.
39. Ларина Т.В. Концепт «вежливость» в английском и русском языковом сознании // Лингвистика и межкультурная коммуникация: теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Таганрог, 2002. с.324;
40. Ларина Т.В. К вопросу о национальном стиле коммуникации // Русский язык и культура (изучение и преподавание): Сборник. – М.: ЭКОН, 2000.- С.294 - 296., с.139.
41. Ларина Т.В. Сопоставление способов реализации реквестивных интенций в английском и русском языках (культурологический аспект) // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков. – Межвузовский тематический сборник научных трудов /Под ред. Н.Г.Гичевой. - Омск: Омск. Госуниверситет, 2001. - Вып.3. - С.60-68.
42. Леонтьев А.А. Психология общения. - М.: Смысл, 1997. - 365 с.(267-270)
43. Львов М.Р. Риторика. Культура речи. - М.: Издат. центр «Академия», 2002.-272 с.
44. Макаров М.Л. Основы теории дискурса.— М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.— 280 с. Макаров 2003: 99
45. Овчинников В. Корни дуба // «Новый мир». - 1979, №3,4,5. (№ 4, с. 216).
46. Олешков М. Моделирование коммуникативного процесса. Монография, электронный вариант.- Нижний Тагил, 2006.
47. Орестов О. Другая жизнь и берег дальний. - М., 1974.
48. Орлов Г.А. Современная английская речь. – М.: Высш.шк., 1991.
49. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 22-129.

50. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. - М.: Русский язык, 1989. - 323 с (20)
51. Плюхина З.А. Англичане говорят так - М.: Высшая школа, 1991. - 175 с. (136).
52. Пост Эмили. Этикет (пер. с английского). - М.:1996, с.25.
53. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. - М.: Изд-во ИКАР, 1997.-228 с.
54. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. - 1990. - № 6. - С. 110-122.
55. Розин В.М. Культурология. - М.: ИНФРА-М, ФОРУМ, 2002. - 344 с
56. Рубин К.Х., Роуз-Крэenor Л. Решение межличностной проблемы и социальная компетентность детей // Межличностное общение / Сост. и общая редакция Н.В. Казариновой, В.М. Погольши. - СПб.: Питер, 2001- С. 396-449. [403]
57. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. - СПб.: Изд-во «Питер», 2000.-712 с.(390)
58. Сепир Э.Труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993.
59. Серебрякова Р.В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах. АКД, Воронеж, 2002.
60. Сёрль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 122-129.
61. Сорокин Ю.С, Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В. «Культурный знак» Л.С. Выготского и гипотеза Сепира-Уорфа // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР / Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. - М.: Наука, 1982.-С. 5-12.
62. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М., 1996. - С. 97-112 (97)
63. Столяренко Л.Д. Основы психологии. Р-на-Д: Изд-во «Феникс», 1997. -736с.(249)
64. Ступин Л.П., Игнатъев К.С. Современный английский речевой этикет. Л.: 1980. 186с. (39-40)
65. Тарасова И.П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. — М., 1992.- 175 с.

66. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - 288 с. (22)
67. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово/Slovo, 2000. - 624 с.
68. Титоне Р. Некоторые эпистемологические проблемы психолингвистики // Психолингвистика. Сборник статей / Общая редакция А.М. Шахнаровича. - М.: Прогресс, 1984. - С. 336-352 (348)
69. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. - Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. - 356 с
70. Ткаченко Л.П. Прецедентные и квазипрецедентные тексты с позиций методики преподавания Р1СИ // IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков, II: Тезисы докладов и сообщений. - Братислава, 1999. - С. 178.
71. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. - М.: Высшая школа, 1988. — 239с. (11,8)
72. Фирсова Н.М. Испанский речевой этикет. - М.: ИНФРА-М, 2001. – 183 с.(19)
73. Философия культуры. Становление и развитие / Под редакцией М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э.П. Юровской. - СПб.: Изд-во «Лань», 1998.-448 с.
74. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. - М.: Русский язык, 1982.- 125с.
75. Формановская Н.И. Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). - М.: Знание, 1987. - 160 с.
76. Формановская Н.И., Акишина А.А., Акишина Т.Е. Спросите, попросите... - М.: Русский язык, 1989. - 284 с97.
77. Шабес В.Я. Событие и текст. - М., 1989. - 175 с. (7)
78. Щедровицкий Г.П. Лингвистика, психолингвистика, теория деятельности // Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики) / Отв. ред. А.А. Леонтьев. - М.: Наука, 1968. - С. 68-77. (74)
79. Fielder E., Jansen R., Norman-Risch M. America in Close-Up I - Longman Group UK Limited, 1990. - 282 p.
80. Dijk T. A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. – The Hague, 1981.
81. Fairclough N. Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research. L.: Routledge, 2003.270 p.

82. Hirsh 1987 Hirsh E.D. Jr. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. -Boston: Houghton Mifflin Company, 1987. - 251 p.
83. Hobday, Peter & Paul Norbury. Simple Guide to England: customs and etiquette. - Kent: Global Books Ltd., 1999.c. (68).
84. Hymes, D. Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach. London: Tavistok, 1977. - 248 p.
85. Guirdham M. Communicating across cultures. - London: T.J. International Ltd., 1999.-225 p.
86. Gumperz J. J. Discourse Strategies. – Cambridge, MA, 1982.-255p.
87. Grimes J.A. The thread of discourse. The Hague: Mouton, 1975. 348p.
88. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Thmgs: What Categories Reveal about the Mind. - Chicago-London: The University of Chicago Press, 1990.
89. Langacker R.W. Cognitive Grammar // The Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 2. / Ed. by R.E. Asher. - Oxford, New York, Seoul, Tokyo: Pergamon Press, 1994. - P. 590-593.
90. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. - M.: Prosveshcheniye, 1983. - 304 p.
91. Niemeier S. Nonverbal expression of emotions in business negotiations // The language of emotions. Conceptualization, expression, and theoretical foundation / Ed. by S. Niemeier and R Dirven. - Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. - P. 277-305. [287]
92. Ockenden, Michael. Situational Dialogues.- Longman Group UK Limited, 1997.(84)
93. Saville-Troike M. The Ethnography of Communication: an Introduction. Baltimore, 1982. - 452 p.
94. Scollon R., Scollon S. W. Intercultural communication. A discourse approach. - Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1995. - VIII, 271 p.123
95. Scollon, Ron and Suzanna Wong Scollon. Intercultural Communication: A discourse approach. Second edition. Oxford: Blackwell Publishers Ltd. 2001. p. 274.
96. Schiffrin D. Approaches to Discourse. – Oxford, Cambridge (Mass.), 1994., Approaches to discourse. Oxford: Blackwell. (39–41)
97. Stubbs M. Discourse Analysis: the Sociolinguistic analysis of Natural Language. – Oxford: Backwell, 1983. (1)
98. Tannen D. Talking Voices. Repetition, Dialogue and Imagery in Conversational Discourse. - Cambridge: Cambridge University Press, 1989.-240 p. (39-40)
99. Triandis H.C. Culture and social behavior. New York, 1994

100. Wierzbicka A. Reading human faces // Pragmatics and Cognition. - 1993. - Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins B.V., p. 1-23.

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

101. Евангелие от Матфея, 5,15. the Gospel According to St. Matthew
102. *Am. Plays* — Современные американские пьесы. - Л.: Просвещение, 1981. — 150 с. (78).
103. *Asimov* - Asimov I. Take a Match // Science Fiction. English and American Short Stories. - М.: Progress Publishers, 1979. - P. 23-39. (30)
104. *Bach* - Bach R. The Bridge Across Forever. - Pan Books, 1985. - 270 p. (132).
105. *Bradbury* - Bradbury R. A Sound of Thunder // Science Fiction. English and American Short Stories. - М.: Progress Publishers, 1979. - P. 68-79. 68
106. *Carroll* - Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. - М.: Progress Publishers, 1979.-235 p.
107. *Christie 1983* - Christie A. Puzzles. - М.: Vysshaya Skola, 1983. - 168 p. (22).
108. *Christie 1999*- Christie A. Ten little niggers: М.: Vysshaya Skola, 1999. -228p
109. *Coppard* - Coppard A.E. The Third Prize // Stories by modern English authors. -М.: Foreign Languages Publishing House, 1961. - P.7-15. (7-8)
110. *Dickens 1957*- Dickens Ch. Bleak House. - М.: Foreign Languages Publishing House, 1957.-931 p.
111. *Christie 1969* - Christie A. Evil under the Sun. - Fontana Books, 1969. - 189 (149)
112. *Grisham* - Grisham J. The Testament. - New York: Island Books, 1999. - 533 p. 58
113. *Huxley* - Huxley A. Island. - Granada Publishing, 1979. - 336 p. (65)
114. *MacCarthy* -MacCarthy D. Tears // Moscow News. - 2000. - № 15. - P. 9.
115. *Maugham* - Maugham W.S. Then and Now. - Pan Books, 1979. - 216 p.
116. *Monette* - Monette P. Halfway Home. - Avon Books, 1992. - 262 p. 38
117. *O'Callaghan* - O'Callaghan D. B. An illustrated history of the U.S.A. - Longman Group Limited, 1977. - 144 p.
118. *Sharpe* - Sharpe T. Grantchester Grind: A Porterhouse Chronicle. - Pan Books, 1995.-490 p. 77

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

119. Newsweek 2001, 8/6
120. Newsweek 2002, 1/28
121. Newsweek 2002, 3/11
122. Newsweek 2002, 3/18
123. Time 2001, 8/27
124. USA 2001, 9/5

СЛОВАРИ

125. *Американа* 1996 - Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. и общ. рук. Г.В. Чернова. - Смоленск: Полиграмма, 1996. -1185 с.
126. *Ахманова* 1969 - Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.:Советская энциклопедия, 1969. - 607 с. (498)
127. *Великобритания* 1999 — Рум А.Р.У. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. - М.: Русский язык, 1999. - 560 с. (8)
128. *ЛЭС* 1999- Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - 685 с. 367 ЛЭС: 233
129. *США* 1999 - Томахин Г.Д. США: Лингвострановедческий словарь. - М.: Русский язык, 1999. - 576 с
130. *ФЭС* 2000 - Философский энциклопедический словарь, - М.: ИНФРА, 2000. -575 с. (277)
131. *Cambridge* - Cambridge International Dictionary of English. - Cambridge Univ. Press, 1995.-XVIII, 1773 p. [CIDE].
132. *Collins COBUILD* - Collins COBUILD English Language Dictionary. London: Collins, 1990. 1703 p.
133. *Encyclopedia Britannica*. Electronic Version. 1997.
134. *Hornby* 1967 - The Advanced Learner's Dictionary of Current English, by A.S. Hornby, E.V. Gatenby, H. Wakefield. - London: Oxford Univ. Press, 1967. -XXXII, 1200 p.
135. *Longman* 1995 - Longman Dictionary of Contemporary English. - Longman Group Ltd., 1995. - XXII, 1668, B22 p.
136. *Longman Culture* 1992 - Longman Dictionary of English Language and Culture. -Longman Group UK Ltd, 1992. - F 31,1528, B27 p.
137. *Oxford* - The Concise Oxford Dictionary of Current English / Ed. by J.B. Sykes. - Oxford: Clarendon Press, 1984. - XX, 1258 p.

138. *Oxford Phrasal 1997* - Oxford Dictionary of Phrasal Verbs / Ed. by A.P. Cowie, R. Mackin. - Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1997. - XVIII, 518 p.

139. *WEUD* - Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York: Portland House, 1989. 2078 p.